

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, полавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	
- 3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ** (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

- 6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.**

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

- 2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.**

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

- 2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.**

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

- 4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.**
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

- 1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.**

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

- 1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.**

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

- 1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.**

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:		Без приложений:	
На один месяц	— р. — к.	На один месяц	— р. 40 к.
„ три месяца	2 „ — „	„ три месяца	1 „ 10 „
„ шесть месяцев	3 „ 80 „	„ шесть месяцев	2 „ 20 „
„ двенадцать месяцев	7 „ — „	„ двенадцать месяцев	4 „ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света № 9

1927 г.

М А Й

30

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: * * * „Откуда взялся дракон“? — В. Тих. „Старые и новые“ (Союз молодых). — Спекс. „Захавеси в замке Корбехик“ — К. Красник „Записка Аяке“. Р. Кэмпбелл. „Змеиный укусы“. — В. Дикзе. „Здоровая выправка — начало спорта“ и др.

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ДРАКОН?

Дракон — это порождение фантазии, до сих пор еще чтимое в Китае и Японии. Дракон — это гад, покрытый чешуей и вооруженный острыми зубами и когтями, дракон — это помесь змеи и крокодила. Разница между китайцами и японцами лишь та, что первые представляют себе дракона крылатым, а вторые — безкрылым.

Вера в дракона не чужда и европейцам: в средние века образ дракона служил воплощением злого духа, т. е. дьявола. Но если в Европе дракон являлся злым началом, то в Азии он был добрым божеством, вызывающим дождь и создающим плодородие почвы.

Но как бы ни представляли себе дракона всевозможные народы, всегда оставался загадочным вопрос, что послужило основой для фантастического представления дракона, откуда взялся этот чудовищный образ? В поисках за ответом на этот вопрос остановились на тропических странах. Предполагали сначала, что образ дракона здесь создан был под влиянием крокодила, гавиала и даже тигра! В действительности оказалось, что народам тропических стран вовсе не нужно было соединять крокодила с тигром, чтобы выдумать дракона. Оригинал находился у них под боком.

Известный английский летчик Аллан Кобхэм, совершая свой знаменитый полет из Лондона в Австралию, спустился, однажды, у Бирмы в голландской Вест-Индии. Здесь он нашел схваченных живыми двух огромных ящеров, впервые описанных в 1912 году голландским натуралистом Р. Оувенсом, собственноручный рисунок которого мы здесь и приводим. «Охотники» достигают в длину 3—4 саж., а их продолговатая шея позволяет им держать голову много выше, чем обыкновенным ящерам. Он воспроизводит охоту этих подвижных чудовищ на диких свиней.

„Драконы“ на охоте.

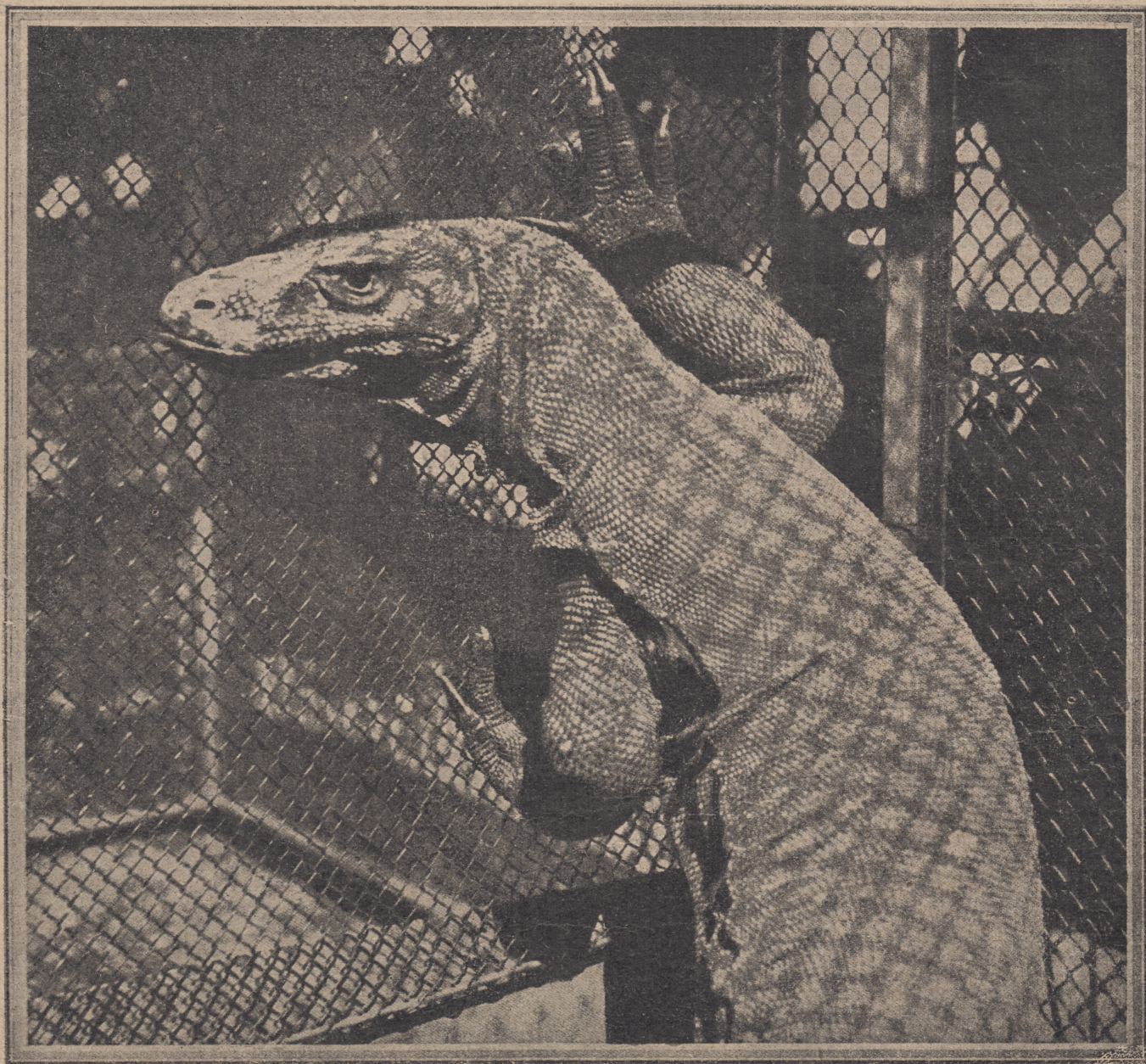
„ДРАКОНЫ“ В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ НЬЮ-ИОРКА

Нью-Йоркский Зоологический Сад обогатился недавно двумя единственными экземплярами гигантских ящериц, пойманных живьем в голландской Вест-Индии. Эти живот-

ные, каждое длиной в 4 метра, прибыли в Америку под специальным наблюдением на пароходе «Аквитания».

Утверждают, что есть «драконы» вдвое большей длины.

Полагают, что эти ящеры потомки гигантских пресмыкающихся, водившихся некогда в Индо-Китае. Любопытна чешуйчатая на них кожа и по змеиному вытянутая голова, снабженная могучими челюстями. «Новоселы» чувствуют себя очень неважно в своем принудительном заключении; они то и дело перебирают лапами свою крепкую решетку.

Теперь ясно, откуда китайцы заимствовали рисунок для своего национального флага более 4000 лет тому назад. Впрочем, те же драконы часто давали материал и китайской скульптуре. Сходство пленников Зоологического Сада с древними китайскими «драконами» подчеркивается их причудливыми лапами и хвостом.

Старые

и новые

В. Жана

Рис. худ. И. Королева.

Содержание первой части.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в займке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилу, но именно потому и сторонится от него. Однако несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилу возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авил, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробыл и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Калымск)

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ

Глава III.

Викеша смотрел на бабку с недоверием. Вместо еды она могла его накормить разве ожигом, длинной обожженной палкой, которою она мешала дрова в камельке.

Варить было нечего. Уже третий день котел стоял у них на полу за шестком, совершенно сухой и опрокинутый вверх дном, в знак полной пустоты и отказа от кухонной службы. Котел отказался их дальше кормить и они, в свою очередь, отказались от него.

Натаха вернулась в избу, тяжело хлопнув западавшей дверью. Викеша стоял на дворе. Старая собака, лежавшая в снегу у порога, тускло поглядела на него, лениво подошла и вильнула хвостом.

У них остались три старые собаки, которые уже не годились для дальней езды. Викеша запрягал их в нарту-водовозку и ездил по-близости за хворостом в лес или с ушатом к проруби.

— Ястреб, хочешь йисти? — окликнул он собаку.

Ястреб опустил вниз свою кудлатую голову, словно кивнул утвердительно, потом слабо лизнул в щеку своего молодого хозяина.

— Пойдем к речке, Ястреб — предложил Викеша.

Но Ястреб вернулся на прежнее место, покружил и лег, свернувшись клубком, потом распушил хвост и покрыл себе голову. Он действовал согласно мудрому правилу: голодному сон за обед.

Мальчик пошел по улице, направляясь к речке. На дворе стоял апрель месяц. Это была странная поляр-

ная весна. Заря уже торопилась сходить с зарею и долгий день не имел конца, и в белую ночь розовая полоса не гасла на горизонте, а только переползала с запада на восток. И на дневном солнцепеке глубокий снег уже таял и садился. От его остеклевшей груди солнце отражалось режущим блеском. В этом блеске люди слепли и собаки бесились особым весенним бешенством. После ужасной зимы этот яркий блеск опьянял, как вино на голодный желудок. Ибо нарядная весна, белая и яркая, приводит с собой голодовку даже для зажиточных и сильных. Зимние запасы кончались, а в реках под толстым льдом еще не было рыбы и на тундре не было дичи. Надо было ждать, потуже подтягивать пояс.

Речка Серединка, мелкая, лесная, вся в желтых омутках, впадала в Колыму. По обоим ее берегам был завязан полярный городишко. Жители рассматривали оба потока, примерно, как матку и дочку. И первую просто называли «река», а вторую «речка». Собственных имен не прибавляли. Они подразумевались.

На речке было тихо. Черные колья рыбной плотины торчали из-под снега. Ивовые верши стояли на косогоре в ряд, как солдаты. На низких вешалах висели невода. Легкий ветерок чуть постукивал поплавками, словно играл на огромном ксилофоне. Под косогором несколько тощих собак терзали изгнившие клочья какой-то старой шкуры. Это были живые скелеты. У них заплетались от голода ноги и их собственная шерсть висела такими же клочьями, как на их жалкой добыче.

Избы стояли под снежными шапками, нахохлившись, как старые совы. Половина печей топилась и над деревянными трубами, обмазанными глиной, стояли высокие дымные столбы, пронизанные искрами. Но в запахе свежего дыма не было никакой съестной струи и ничто не щекотало ноздри голодного мальчика.

Из дверей напротив вышел другой мальчик, по виду Викешин ровесник. Он был в черном балахоне и в шапке с ушами. Завидев Викешу, он подскочил к нему, остановился, подпрыгнул ножкой, как голодный воробей, и пискнул:

— Сказывай!

— Спрашивай!

— Варили?

Викеша сердито покачал головой:

— Уйди, Андрейка!

— Йисть хочу! — пискнул мальчик мимоходом и тотчас же прибавил: — Пойдем, на девченок посмотрим!

Девченки сидели внизу под косогором, у самого берега. Они занимались странной игрой. Выкопали в песке небольшие ямки, набрали круглых камешков, похожих на яички. Каменные яйца лежали в песчаных гнездышках, а девочки сидели перед гнездышками и пели тихими и тоненькими голосами «уточку».

— Утка, утка, утичка, утичка матерая, на яйцах сидит!

Мальчишки скатились сверху, как буря, въехали ногами в утиные гнезда и разбросали каменные яйца.

— Будя! — кричал Викеша. — Давайте лучше в ворона играть.

Он совсем забыл про голод и глаза его радостно блестели.

Девочки быстро согласились. Лица, по прозвищу Сельдятка, вертлявая девченка, глазастая и черная, как галка, застрекотала радостно: «я буду матка, я буду матка!»

— А я буду ворон! — говорил Викеша.

— А я кто буду? — переспросил Андрейка. — Ну, я буду стрелец с луком.

Он вынул из-за пояса ножик, который поречане носят чуть не с колыбели, срезал хлыст ползучей березы, потом достал из кармана тонкий ремешок из черной мандары, шкуры пятнистого тюленя, и согнул себе лук для своей роли стрельца. Потом выстругал стрелу. Луки на севере были в ходу даже у взрослых.

Станичные казаки били из лука гусей и лебедей, как богатыри в былинах. Лук состязался с кремневым ружьем, ибо стрелы ничего не стоили, а порох и свинец приходилось покупать у купцов за дорогую цену.

— Ворона, ворона! — кричали девченки. Они столпились все вместе, изображая гусенят.

— Ворон, ворон, что ты делаешь? — спрашивала матка, прикрывая гусенят руками, как крыльями.

— Землю копаю.

— Зачем копаешь?

— Камушки ищу.

— Зачем камушки?

— Ногти точить.

— Зачем точить?

— Твоих деток царапать!

— У ворона глазки жадненьки! — крикнули гусенята и бросились в рассыпную.

Ворон ринулся вдогонку, но стрелок пустил в него стрелу и попал ему в бок.

— Умер, умер! — кричал Андрейка. Но ворон, не обращая внимания на собственную смерть, догнал самого маленького гусенка, Аленку Романцеву, которая еле ковыляла на коротеньких ножках и зарылся своим острым носом в ее мохнатый балахон.

Девочки бросились на выручку, но остановились, не добежав.

— Девушки, йисать хотца! — раздалось, как припев, и руки у всех упали.

Только ворон не унимался и немилосердно теребил несчастного птенца.

— Кусается! — раздался писк и плач пятилетней Аленки.

Девочки бросились на выручку и стали щипать хищника также крепко и бесцеремонно, как щиплются настоящие гуси.

Началась свалка. Аленка вывернулась и с плачем побежала. Показалось Викешино лицо, красное, свирепое, с дикими глазами. Он, кажется, и впрямь вообразил себя вороном, жестоким людоедом.

Девочки, запыхавшись, сели рядом на длинном бревне.

— Давайте сказки сказывать! — предложила Фенька Готовая.

Сказок на Колыме было великое множество. Тут пспадались русские, чукотские, якутские, тунгусские и даже американские-индейские сказки, которые переплывали Берингово море вместе с китоловами и спиртовозами из Сиаттля и Сан-Франциско. Ребятишки и сами умели сочинять и даже устраивали состязания, кто скорее и лучше расскажет. Но самые лучшие сказки знала

— Ворон, ворон, что ты делаешь?

Машуха Березкина, короткая широкая девченка, как будто выпиленная из сосновой доски.

— Какую сказывать? — предложила она, даже не дожидаясь приглашения.

— Едемную! — пролепетала Аленка, которая забыла о трепке и жадно раскрыла рот от ожидания.

— Зили были старик и старуха, — начала Машуха особым шепелявым, свистящим, низким голосом.

— У них были трое дочки, Оселочка, да Иголочка, да Метелочка. А еды у них было: олений бок, сохачинная голова, фляга жиру, вязка рыбы сушеной, сотня мороженой.

— Нельма, — прибавила Аленка вдруг.

Сказка сочинялась тут же на месте и слушатели имели право делать вставки по своему желанию и вкусу.

— Не мешай! — огрызнулась Машуха. — Вот они как стали йисти, как стали йисти, съели этот бок, и голову, и жир, и рыбу...

— И нельму, — прибавила Аленка упорно.

— Девки, молчите! — крикнул неожиданно Викеша и вскочил на ноги. Сказка оборвалась. Девченки смотрели удивленно на буйного мальчишку.

— Молчите, не дразните. Кусаться стану!

Сельдятка засмеялась. — Да ты, видно, правду людсе! — бросила она задорно.

— Молчи, зараза! — крикнул Викеша запальчиво. — Уйду я от вас!

— В чукчи иди! — поддразнивала Сельдятка. — Там мяса много.

— Тьфу, проклятая! — Мальчик отплюнул длинным сердитым голодным плевком, и быстро зашагал по улице, проходя сквозь Голодный Конец. Тут обитала вся городская голь, сироты, старухи, сифилитики, городские нищие, двое Егоршей, Егорша Худой и Егорша Юкагир. У многих не было даже настоящей избы и, несмотря на лютый холод, они ютились в каких-то странных гнездах, выплетенных из ивы, как старая корзина, и засыпанных землей. Другие помещались в хатонах, старых хлевах, сложенных из стоячих плах, замазанных глиной и навозом. В таких хлевах якуты помещаются вместе со скотом и скот, по крайней мере, греет их своим теплым дыханием и гниющим навозом. Но здесь приютился в хлевах человеческий скот, слишком тщедушный и тощий, чтобы рождать из себя тепло.

На Голодном Конце не было ни одной коровы и даже упряжных собак на дворах было меньше, чем двуногих под жалкою крышей.

Солнце понемногу собиралось всходить. Восточный край неба оделся яркими огненными перьями. Это «Заря-Зареница» в своей нарядной шубке из красных лебедей открывала дорогу своему золотому отцу. Уже загорелся венец на косматой ее голове, не вычесанной на ночь. Ибо с апреля Заря перестает чесать свои алые косы, снимает свой облачный шлык и ходит простоволосая.

Ледяное стекло загорелось на реке, обнаженной от верхнего снега. И вместе с зарей и рекою загорелись глаза и у мальчика Викеша. Но в это погожее утро они горели зловещим волчьим блеском.

Он был страшен, этот маленький комочек человеческих мускулов и хищного голода.

— Убить бы кого! — думал он, разглядывая улицу. Но на улице не было добычи. Свиснул снегирь, каркнула ворона пролетая. Она тоже искала добычи, не хуже голодного мальчика.

В лесу и на реке не было ни жизни, ни добычи.

— Еда у людей! — подумал Викеша. — На другой стороне речки, за утым мостиком, жили богатые торговцы в просторных домах, с настоящими стеклами в окнах, с амбарами, полными рыбы. Тут был запасной магазин с казенной мукою и солью. Но крепкая дверь магазина была замкнута троевинчатыми замками и их охранял часовой, казачек Алеха Выпивоха.

— Там есть! — думал мальчик. На него словно нанесло через речку дымным запахом копченой ююлы.

ГЛАВА IV.

В маленькой избушке налево дверь отворилась и вышел старичок, сутулый, почти горбатый, в парке-балахоне из мешечного холста, туго подпоясанный ремнем. Это был Пака-Гагара из рода Гагарленков¹⁾. За ремнем у Паки торчал крошечный топорик, сточенный до самого обуха. Железо на Колыме скудное и даром его не бросают. Топорные обушки, сточенные до самого нельзя, служат для мелких домашних работ. На плече у старика был мешок, вернее, другая парка из такого же мешечного холста, только отороченная красным, должно быть, женская.

¹⁾ Пака — Пашка. Гагарленок — Гагарий птенец.

— Куда он? — подумал мальчик с минутным удивлением. Топор говорил о дровах, но в лес за дровами ходят не с мешком, а с санями.

Пака перешел через речку по узкому мостику, дошел до полиции и остановился под окнами у самого исправника, постоял, подумал, даже руку поднял, сперва хотел постучать, потом двинулся по улице вперед, дошел до переулка, где был поворот к казенному складу, опять постоял и вернулся назад, прошел по переулку, ведущему к дому богатого торговца Архипа Макарьева. И тут тоже постоял и опять повернулся и прошел к складу. Он сделал это странное путешествие три раза и, наконец, Викеша прочитал по петлям его запутанных шагов, как по печатным строкам: «Выбирает! Какое — казенное или Макарьевское?»

Пака, действительно, вышел на улицу с дерзким и злым замыслом против чужой собственности, но как будто не мог выбрать, какую ему собственность нарушить, казенную или частную. Он колебался, но его колебания были всецело вещественного свойства. В казенном складе были мука и соль, а в Макарьевском амбаре сладкая пища туземного люда, жизнь, ожива, источник бытия поречан, святая питательница рыба. Посягнуть одновременно на то и на другое духу не хватило даже у дерзкого Паки.

Время было для предприятия Паки особенно удачное. В этот предутренний час, уже после восхода раннего весеннего солнца, все жители спали накрепчайшим сном, даже птицы, щелбавшие неугомонно круглые сутки, смолкали на полчаса. Ветер затихал, тоже словно сонный. Казак, стороживший казенную муку, давно вернулся в караулку и спал, как убитый, крепко обнимая данное ему ружье, символ его власти и позиции, вместе полицейской и военной.

Наконец, Пака решился. Он обошел кругом обширную усадьбу Макарьева. Усадьба была огорожена тыном, но с каждой стороны были пролазы, особо для взрослых и также особо для ребятшек.

Он шел вперед, а Викеша следовал за ним на расстоянии неслышно, как горностаи. Пака весьма хладнокровно пролез сквозь забор, подошел к амбару, стоявшему посредине двора, подsunул топорик под ржавый пробой «Дрык!» — внезапным усилием он выдернул все, и скобку, и накладку, и висячий замок. На Колыме запирались не крепко. Воровать же вообще не воровали. Правда, исправник и помощник воровали, но они это делали иначе, помимо пробоев и замков.

Сломав замок, Пака раскрыв дверь и вошел внутрь.

— Как в свой амбар вошел! — сказал себе Викеша с восхищением и завистью.

Через минуту Пака уже выходит из амбара обратно. Мешок на плечах его раздулся, потолстел и стал не меньше самого Паки. Из устья торчали два широченных рыбьих хвоста. Святая рыба победила чужеземную далекую муку. Мука кроме того была затхлая, а рыба свежая, мороженная, та самая рыба строганина, которая составляет лучшее блюдо северного сыродно-натурального стола. Едят строганину сырьем, нарезав широкими тонкими стружками без соли и без перца.

— Рыба... Чирь!

Двуногий горностаи в свою очередь скользнул в амбар, по примеру грабителя, и отколе ни возьмись туда же посыпались снаружи такие же небольшие, проворные, поджарые фигурки. Викеша даже свиснул от удивления. Тут был Андрейка, и другой мальчик Тимка, и девочки Хачирка, и Сельдятка, и Шурка Стрела, и Федосья Готовая, и даже пятилетняя ковыляющая Аленка Гусенок. Они нырнули в амбар, как мыши,

и тотчас же выскочили вон, прижимая к груди, как будто по серебрянной лопате.

— А ты что, Аленка? — прошипела с удивлением Сельдятка. Аленка удовлетворила свою страсть к крупным нельмам и тащила уже не лопату, а целую доску. Но нельма уперлась головой в порог и отказалась выходить. Аленка зашипела и фыркнула, совсем, как горноста́й, и так поддержала упорную добычу, что вместе с ней перелетела через порог и кувырнулась в снег.

Дети убежали, как волчата, с захваченным куском прямо в лесную чащу, укрывающую одинаково и жертву

и хищника, но Пака прошел переулком, как прежде, и пошел по дороге. Его мешок был слишком тяжел, чтоб тащить его в лес. К тому же его гагарлята ждали не в лесу, а в избушке на Голодном Конце.

Ему приходилось проходить мимо Макарьевской усадьбы с другой, лицевой стороны. Но дойдя до ворот, он остановился, как будто поперхнулся. В воротах стоял сам старый Архип Макарьев, смотрел на солнце и скреб горстью широкую сивую бороду.

Макарьев был человек неторопливый, насмешливый и хладнокровный. Также и на этот раз, видя такое необычайное явление, как старого Паку с огромным мороженым уловом, спокойствия ничуть не потерял.

— С промыслом! — приветствовал он Паку.

Пака промычал что-то непонятное.

— Где бог дал?

Наполненный рыбой мешок опасно закачался у Паки на плече, но Пака удержал его и двинулся вперед, собираясь пройти мимо.

— Моя рыба! — сказал Макарьев решительно. Он узнал своих мороженных чиров по виду и по масти, как другие узнают лошадей.

Пака неожиданно рассвирепел.

— Твоя, так бери! — пискнул он голосом, пронзительным, как дудка. — Бери, твою так...

Он шваркнул об землю свою трехпудовую ношу и облегченно выпрямил свою хилую спину. Мерзлые чирьи поплыли из мешка по скользкому снегу в разные стороны.

— На, на!

Пака нагибался, хватая чиров и бросал их в Макарьева. Один чир, брошенный особенно яростно, ударил Макарьева плашмя в грудь и прошелся широким хвостом по его окладистой широкой бороде. Даже по носу щелкнул концом плавника. Колымчане вообще рыбою дратья мастера и на летних промыслах порою раздают друг другу здоровых лещей, правда, не лещами, а чирами и пузатыми нельмами. Но Пака затеял драться мороженой рыбой, твердой, как нарубленные доски.

Выбежали собаки и стали урча и хрипя растаскивать лакомый груз.

Пака нагибался, хватая чиров и бросая их в Макарьева.

— Поца, проклятые! Прочь! Поца!

Макарьев споткнулся и брякнулся грудью на свое погибающее добро. Пака с сердцем дернул свою ряднину, такую же тощую, как прежде, и поплелся домой к своим голодным гагарлятам.

Макарьев осмотрел свой замок и даже испугался, не смотря на свое хладнокровье. Сколько ни стояла Колыма, не бывало такого, чтобы бедные ломали замки у богатых и уносили пищу прямо среди белого дня.

Правда, экономика колымская были какая-то игрушечная, вроде игры в бирюльки. Все продавалось,

начиная от труда и кончая девичьей честью. Продавалось задешево уже потому, что не особенно ценилось даже основными владельцами. Платили не деньгами, а едой или товаром. Деньги, вообще, ходу не имели. Колымчане считали, как дикие чукчи, на чай и табак, например, нанимались в батраки — три кирпича чаю в месяц, папуша табаку, ситцу на рубаху, дрели на порты, сары, полусаки ¹⁾ и так далее, во всю бесконечную длину потребительского списка.

Более дешевые вещи считали на рыбы хвосты.

Парни распевали довольно известную песню:

Вот Чичирку за хачирку,
А Аленку за чилим.

Песня эта требует пояснения. Чичирка — женское имя. Хачирка — мелкая сушеная рыба. Чилим, силим — жвачка табаку. Таким образом характер вышеуказанной торговой операции становится ясен.

«Малые люди», разумеется, были в долгу у «больших», но они не относились к этому очень серьезно. Поймает, например, тот же Пака в капкан неожиданно, почти против воли, хорошую лисицу-огневку, он не

несет ее к своему постоянному «хозяину», точнее кредитору, Явловскому, а норовит продать ее из-под полы другому и непременно за наличный расчет.

Каждый из малых людей был в долгу, как в шелку, и его положение было такое: отдашь по закону, засчитают за долг и больше ничего не дадут. Сделки, таким образом, помимо всяких долгов, производились за наличный расчет. Это было в сущности начало естественной отмены долгов.

На другой день к обеду исправничий «драбант» Дормедонт привел Паку на суд пред грозные очи его высококородия. Пака не сробел, пошел. Даже вскинул на плечо ту же добавочную двойную реднину — мешок.

— Ты что ли сломал амбар у Макарьева? — грозно спросил исправник.

— Не запираюсь, я! — спокойно ответил Гагара.

¹⁾ Обувь.

— Да, как же ты смел? — вскипел исправник. — Да, я тебя в холодную посажу.

— Посадишь?...

Лицо Паки сморщилось, как у собаки, готовой укусить — Посадишь, да?... А гагарленков моих кто будет кормить? Пятiero их у меня. Вот приведу и оставлю в твоей канцелярии, кормите их, да, вы начальники!...

Пака перешел в наступление.

— Отольются вам наши слезы! — визжал он своим колющим, как дудка, голосом. — Голодные сидим. Не унес я ничего у твоего мордастого Макарьева. На, смотри, и мешок пустой!

Он дернул реднину и чуть не задел исправника по лицу.

— Но, вы, погодите, мы вам покажем!

— А гагарленков моих кто будет кормить?

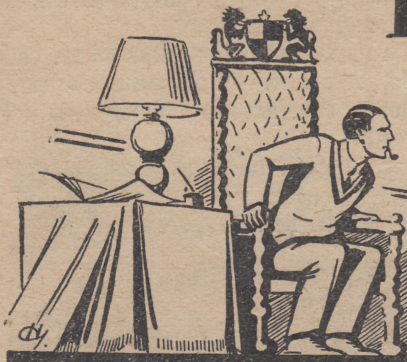
Пака повернулся и вышел из двери, волоча за собою свой пустой мешок. Так и не посадил исправник Паку в холодную. На это было несколько причин. Первая причина: в Колымске не было холодной. Согрешивших казаков и мещан сажали в караулку, к старику Луковцеву, постоянно сторожившему казенный магазин. Алеха Выпивоха, казачек, представлял охрану временную и вовсе бездомовную.

Луковцев был тоже из «малых людей», к тому же он вел дружбу с Павлом Гагарой. Посадить Паку в караулку было не лучше, чем послать домой. И власть предрержащая предпочла отпустить его просто и без затей. Кроме того, арестованным надо было платить кормовые по 98 коп. на человека в день. Таким образом, Пака на двухмесячной высидке мог обойтись казне рублей в шестьдесят. Меньше двух месяцев назначить было невозможно. В расчеты исправника совсем не входило выдавать правонарушителям на реке Колыме хорошие казенные премии.

Так совершилась на реке Колыме первая экспроприация.

ЗАНАВЕСИ В ЗАМКЕ КОРБЭНИК

Р а с с к а з   С П Е Н С А.

I.

Кончая первый набросок своего романа, я обычно запираю его в стол месяцев на шесть, чтобы по истечении этого срока вновь приняться за него в каком-нибудь уединенном уголке. Вот почему, однажды, в конце марта я очутился в Бретани, в замке Корбеник.

Место казалось мне достаточно уединенным, судя по фотографическим снимкам, виденным мною в конторе гостиницы между Брестом и Поэнт-де-Раз, вечно терзаемых ветрами. Серые громады волн с унылым ревом и свистом перекатываются из этих трех бухт. На северном выступе мыса высилась белая башня замка Корбеник, похожая на предостерегающий, призрачный маяк.

— На этот раз я действительно уединился! — сказал я себе в день приезда, стоя у окна своей комнаты во втором этаже и глядя на серые громады волн, которые с ревом и свистом обрушивались на берег.

Так я стоял зачарованный, пока не стемнело, и уже собирался пододвинуть к окну кресло, чтоб продолжать вслушиваться в ужасающую симфонию бури, когда старые слуги, оставшиеся хранителями замка, подали мне ужин. Я обозлился на них вначале, когда они зажгли лампу, но приятный аромат кофе смягчил меня и я принялся за еду.

Тут впервые я обратил внимание на занавеси.

Странно, что я не заметил их раньше, стоя возле них. Но тогда они были раздвинуты и необычайный их узор не был так заметен, как теперь, когда они затягивали все окно.

На синем фоне было вышито блестящим красным шелком нечто похожее на узор по канве крестиками, но при ближайшем рассмотрении он был далеко не так правилен, как казалось. Горизонтальные линии, расположенные одна от другой на равных расстояниях, тянулись по всей ширине ткани, другие же, наклонные или вертикальные, пересекали их или же встречались с ними то сверху, то снизу. В целом же все это настойчиво напоминало мне какие-то символические и художественные мотивы, когда-то мне очень знакомые.

Наконец, я решил, что это один из изысканных образцов кустарной работы, столь любимой бретонцами и, успокоившись на этом, поднялся по крутой башенной лестнице в свою спальню.

II.

Но утро принесло полное разочарование в моем вчерашнем заключении. Я терпеть не могу быть в недоумении, и лишь только старая служанка внесла завтрак, я принялся ее расспрашивать:

— Что за странные занавеси! — сказал я. — Где вы их приобрели?

— Ах, эти занавеси, сударь... их каждый замечает! Над ними трудилась милэди Альма Уэзерд, когда она была здесь, бедняжка...

Милэди Альма Уэзерд? Конечно, могла быть только одна Альма Уэзерд.

— Так она бывала здесь? — воскликнул я.

— Она была здесь! — сказала каким-то странным тоном старая Квебан. — Ах, сударь, вам известно вероятно... она была... — не кончив фразы, старуха многозначительно похлопала рукой по своему лбу.

Только тут мне вспомнилась вся история, как Альма Уэзерд, блестящая публицистка и знаток кельтической древности внезапно сошла со сцены, молча и незаметно для всех своих знакомых; ходили слухи, что она лишилась рассудка, а потому и выражали сочувствие ее супругу сэру Стенлей Уэзерд, изумительная финансовая карьера которого являлась настоящим событием в коммерческом мире.

— Это было, насколько я припоминаю, с год тому назад, не так ли? — сказал я. — Где же она теперь?

— Я не знаю, сударь, — ответила старушка, выразительно покачивая головой. — Ее увезли отсюда, но куда, я не смогу вам сказать.

Альма Уэзерд! Мне вспомнилась высокая, живая ирландка со смуглым, продолговатым лицом, полная странного обаяния. Это была яркая личность, притягивающая и покоряющая. Как мог глубокий и оригинальный ум опуститься до такой пустяковины, как вышивание этих рисунков на занавесах из синего репса.

Я не разговаривал с нею, но припоминал ее на кафедре, читающей лекции. Одна мысль о занавесах казалась мне нелепой. Что побудило Уэзерда послать свою ненормальную жену в такое место, как замок Корбеник? Как мог он считать подходящей обстановкой для человека с расстроенным умом эти пустыри, заросшие тощим вереском, омываемые вечно бурным морем?

Я сел и смотрел на рукопись своего романа с непреодолимым отвращением. Решительно я бросил ее в ящик стола и, закулив трубку, подошел к окну. Буря стихла, утро было ясное и солнечное, но нигде ни души, ни одного паруса на море. Это соответствовало моему настроению. Нахлобучив кепку, я вышел и направился к утесу неподалеку от замка, уселся на его краю и принялся курить. Вдруг неожиданный шум машины где-то на воде подо мной прервал мои размышления. Это была моторная лодка, державшаяся берега, — единственная белая точка на фоне моря. Одна из двух сидящих в ней фигур, закутанная в длинное пальто, с надвинутой на лоб яхт-клубской фуражкой, казалась мне несколько знакомой, но я не мог понять, откуда они приехали.

III.

В ожидании уже накрытого завтрака, я машинально подошел к окну.

— Что за нелепые занавеси! — говорил я себе. — Где мог я видеть этот рисунок, вышитый на них красным шелком? — Я старался отбросить эту мысль, но она преследовала меня в течение нескольких дней, как полузабытое имя или обрывок знакомого напева.

На четвертый день пребывания в замке я снова извлек рукопись. Работая усидчиво, я просмотрел полглавы до завтрака. Но, видимо, только этим двум-трем тысячам слов было суждено вылиться в определенную форму за все

время моего пребывания в замке. После завтрака на меня нашло отупение, то неприятное ощущение стянутости в висках, которое следует за напряженной работой мозга. Я чувствовал потребность в свежем воздухе. Пять миль прогулки по ветру среди кустов вереска, и я снова буду в состоянии приняться вечером за мою книгу.

В комнату вошел старый Армин, чтобы унести остатки завтрака, и я начал его расспрашивать о пешеходных прогулках в этих местах.

— Лучшая прогулка — это в Керуэз, сударь! — ответил он мне. — Любимое место английских туристов. Отсюда оно менее пяти километров. Там великолепные камни, большие и малые, возле скал на берегу моря. Это самый красивый вид в Финистере.

День был туманный, один из тех дней, которые придают всей Бретани отпечаток сказочности, туманной грезы, рождающей легенды, а грустное плескание моря создавало аккомпанимент к странным мыслям.

Я подходил к северному углу мыса, когда еще раз услышал шум моторной лодки и увидел того же смутно знакомого мне пассажира. Лодка вскоре скрылась из вида за выступом мыса.

Я решил сократить путь вдоль берега и пересечь мыс по диагонали. Посмотрев вниз, я увидел в нескольких стах футах подо мной небольшую бухту, наполненную черными рыбацкими судами, а среди них, как чайку среди стаи воронов, белую моторную лодку. Скала мягко опускалась тут к берегу, а по ее краям лепились дома с красными крышами и серые стены Керуэза. Дальше за ними к западу виднелись длинные изгибы и очертания стен и колонн какой-то громадной круглой каменной постройки.

Среди тернистых кустов неожиданно показалась тропинка; следуя по ней, я дошел до северных ворот странного круглого здания. Проходя по внутреннему изгибу этого обширного каменного круга, я дивился грубому искусству, сдвинувшему сюда эти гигантские глыбы скал издали каменоломень. Некоторые из скал были грубо отесаны, иные же совершенно не носили отпечатка человеческих рук.

Что представляют собой эти своеобразные памятники архитектуры? Были ли то первые грубые остовы храмов для поклонения странным божествам? Может быть и так, но, глядя на них, у меня терялось представление о человеческом труде. Кое-где лишь странные символы или барельефы свидетельствовали о прикосновении рук человека к этой массе серого гранита.

IV.

Я подошел теперь к восточному входу, к гигантским воротам, напоминавшим те постройки, которые складывает ребенок из каменных кубиков. Покосившиеся колонны, казалось, каким-то чудом не рассыпались в гряду развалин. На них были заметны грубо высеченные надписи. Подойдя ближе к гигантской колонне, я всматривался в высеченные на сером камне линии и спокойно, даже без удивления, как мне казалось, узнал рисунок таинственных символических знаков, вышитых красным шелком на синих занавесах замка Корбеник.

Каким же я был ослом! То, что я принимал за необычайный декоративный рисунок, было ничто иное, как не-

сложный и легко разбираемый шрифт, известный под названием Огам, «Ogham» — азбука, употребляемая в древнейших кельтических надписях.

Какая же тайна раскрывалась передо мной?! Большой камень стоял теперь забытым, а перед моими глазами снова были занавеси в Корбенике. Я знал, что Альма Уэзерд, помимо своей известности, как публицистки, была еще выдающимся знатоком кельтических древностей. Быть может, ее помешательство выразилось в изображении шелками того шрифта, который она изучала на исторических каменных памятниках Ирландии и Корнваллиса? Я стоял пораженный. Какой-то странный инстинкт подсказывал мне, что эти занавеси заключали в себе странную тайну.

Я не знаю, как долго я стоял перед этими колоннами с высеченными на них, хотя и грубыми, но правильными знаками. Когда же я, в конце концов, от них оторвался,

то принялся шагать по направлению к замку, но затем остановился.

— Нет, — сказал я себе, — тайна может подождать. — Я чувствовал усталость и жажду; мысль о чашке чая на чистой белой скатерти в Керуэзе мне очень улыбалась, и я стал спускаться по откосу к красным крышам, чтобы отыскать гостиницу.

V.

Это было закоптелое помещение с низкими потолками, украшенными панелями; когда я спросил чая, меня отвели в маленькую комнату, где были цветы и тишина. Чай был подан, но я почти механически выпил чашку. Мозг мой был возбужден; мне хотелось вернуться домой, так как я чувствовал себя охваченным лихорадочным любопытством и беспокойством.

Раздался звук шагов по каменным плитам пола, и я с настоящим ужасом взглянул на лицо вошедшего, которое мне было не трудно узнать. Вкрадчивая улыбка, черные курчавые волосы и выдающийся подбородок оставались в памяти. Это был никто другой, как сэр Стэнли Уэзерд.

— Мне сказали, что здесь можно напиться чаю! — проговорил он мягким, вкрадчивым тенором. — Вы ничего не имеете против моего присутствия, я полагаю?

Конечно, я был против, но постарался скрыть свое удовольствие, пробормотав что-то в ответ.

— Если не ошибаюсь, вы сэр Стэнли Уэзерд?

— Не могу отрицать этого! — ответил он. — Несносные газетные иллюстрации оставляют мне мало шансов для инкогнито. Жаль, что вы обладаете лучшей памятью, чем я, хотя я и чувствую, что лицо ваше мне знакомо.

— Как, Джон Бенедикт? Литератор? Как я рад! Я как раз читаю один из ваших романов. Вы здесь в поисках новых впечатлений?

— Нет, просто обрабатываю уже готовую рукопись. Я остановился в замке Корбеник, — сказал я, внимательно следя за выражением его лица.

Он слегка раскрыл рот, выдающийся подбородок его опустился и краска сошла с его смуглых щек.

— Вот как!.. — он наклонился к своей чашке. — Моя яхта стоит как раз за мысом св. Матвея. Здесь нечего делать в этом мрачном месте, — продолжал он. — Я возвращаюсь домой сегодня ночью. Дела не позволяют мне уехать, но я чувствовал потребность отдохнуть дня два...

Я подошел к гигантским воротам.

Однако, мне пора. Благодарю за компанию. Не соберетесь ли вы когда-нибудь пообедать со мной? Я совсем отстал от общества литераторов с тех пор, как... давно уже отстал. Итак, пока до скорого свидания!

VI.

Уже стемнело, когда я возвратился домой. Я отказался от ужина. Оставшись один, я извлек своего старого друга, «Лексикон двадцатого века» Чемберса. Отыскал на странице 629: «Ogham». Это слово обозначало «древний ирландский шрифт из прямых скрещивающихся линий». Внизу был изображен полностью алфавит Огама, который я здесь и привожу. Читатель увидит его несложность с первого же взгляда.

Заперев дверь на ключ, я снял левую занавесь и разложил ее на рабочем столе. Не трудно было с первого же взгляда убедиться, что многие из знаков безусловно соответствовали приведенным в лексиконе буквам; затем с карандашом в руках, глядя ежeminутно в словарь, я медленно начал дословно переводить вышитые символические знаки.

Ясно и отчетливо они были размещены мною на бумаге. Сначала я отыскал букву я, затем а, л, м, и снова а. На мгновение сильное возбуждение помешало мне продолжать работу. Но когда, сделав усилие, мне удалось перевести на бумагу первый ряд, я понял, что это не был труд умалишенной женщины с разгоряченным воображением.

Мне удалось прочесть следующее:

«Я, Альма Уэзерд, хочу сказать»...

С лихорадочной поспешностью я перевел нижеследующие строки и остановился лишь тогда, когда дошел до конца одного абзаца.

«Я, Альма Уэзерд, хочу сказать, что я заключена в этот замок моим мужем Стэнлей Уэзерд, который боится, что я могу разоблачить его бесчестные финансовые сделки, которые, если не будут обнаружены, могут разорить тысячи граждан»...

VII.

Так вот откуда дул ветер! Не откладывая дела, я просидел всю ночь за переводом самых странных и волнующих документов, когда-либо созданных человеческой рукой. Около шести утра моя задача была окончена. Передо мной лежала точная копия с обеих занавесей, заключающая в себе материал для целого столбца газетной статьи, с ясным и дельным разоблачением возмутительного финансового замысла, раскрываемого женой дельца. Но самое интересное оказалось в конце.

«Мне известно, что меня собираются увести в другое место, так как я не раз хотела бежать из замка Корбеник. Но найдет ли возможным нашедший и читавший это сообщение отыскать меня?»

Я ломал себе голову, не зная с чего начать. Прежде всего я водворил занавеси на их прежнее место; потом отпер дверь, принял холодную ванну и вернулся в свою комнату, где меня ожидал завтрак. Час спустя я пробирался через терновник к Керуэзу. Это была единственная нить в моих руках, так как там я видел Уэзерда, и только одна причина могла вызвать его спешный приезд в Керуэз. Не имея определенного плана действий, я инстинктивно двинулся, влекомый, как и волны, по направлению к Керуэзу, а раз уже попал туда, отправился в гостиницу.

Передо мной стояла заказанная бутылка сидра. Я сидел, предаваясь размышлениям. Не лучше ли открыто заняться расспросами. Хозяин гостиницы являлся первым, кого я решил атаковать расспросами. Я направился в его комнату, но после получасового разговора и самых осторожных подходов к интересовавшей меня теме, я убедился,

что ему совершенно неизвестно пребывание лэди Уэзерд. Он помнил только одно, что она жила в Корбенике.

Весь этот день я пробродил по Керуэзу, осведомляясь, где было возможно, но совершенно безрезультатно. Я даже побывал у местного комиссара, но и он также был не в курсе дела, как и другие. Само собой разумеется, что я не заикался о разоблачениях лэди Уэзерд, так как ее обвинения могли не подтвердиться, я же хорошо помнил закон о клевете.

VIII.

Я не подозревал тогда, что добрая fortuna сама уже шла мне навстречу. Пробродив по деревне и ее окрестностям до наступления сумерек, я вернулся в гостиницу; затем прошел в обширную кухню и, усевшись среди фермеров и рыбаков, вынул свой кисет с табаком. Быть может, мое присутствие и стесняло их, но они не дали мне этого почувствовать, и я вскоре оказался в центре небольшого кружка постоянных посетителей, которые охотно отвечали на все мои расспросы без малейшей тени той сдержанности, которой я мог ожидать от них.

Разговор шел о частых крушениях возле этого берега, о неплодородности почвы, о всех предметах, близких сердцу рыбака и земледельца. Но, по мере приближения ночи, разговор, связанный с повседневными заботами, стал принимать иной оттенок.

Не помню каким образом зашла речь о местных суевериях, этих темных верованиях, столь присущих кельтскому складу ума. Часто мне приходилось слышать, что разговор в бретонской гостинице или кухне рано или поздно все-таки переходит на вопросы о сверхъестественном; возможно, что присутствие иностранца возбуждало и подогревало воображение в описаниях привидений, которые, якобы, обитали в пещерах и подземельях или витали над развалинами древних зданий. Говорилось о таинственных встречах с Гориком, Куриллом и Кориганом, пока, наконец, среди всех нас не водворилось молчание.

Молодой парень, мало принимавший участия в этих рассказах, неожиданно прервал безмолвие, попросив соседа проводить его до дома. Тут все присутствующие стали посмеиваться, толкая друг друга локтем.

— Чего же ты боишься, Юген? — спросил седобородый старик. — Или ты мало выпил сидра, чтобы справиться даже с Гориком, если встретишь его?

— Случалось ли вам проходить в поздний час возле церкви св. Блеза? — с жаром ответил юноша. — Там творится что-то странное в башне!

— Церковь Анку? — сказал старик, переменяя тон и перекрестившись. — Кто же захочет проходить там ночью?

— Анку? — переспросил я, притворяясь, что не могу вспомнить легенду, — что такое Анку?

Наступила минута молчания. Старик, дразнивший трусливого юношу, повернул ко мне лицо, выразившее глубокую сосредоточенность.

— Анку, сударь, — пояснил он, — это — демон смерти! Он бродит по дорогам, звня в свой колокол в час расставания души с телом. Он никогда не ошибается, Анку.

— Почему же он является именно в этой церкви?

— Там есть его изображение, как во многих наших церквях, сударь. Об этом месте ходят недобрые слухи. Церковь сторожат две очень дурные женщины.

— Но, насколько мне известно, никто еще там не встречал Анку? — попробовал я возразить.

— А я вам говорю, что слышал там что-то, хотя и не видел духа! — настаивал молодой парень. — Дух женщины живет там в башне. Она напевает песни на странном языке. Я проходил мимо церкви в пятницу ночью и слышал ее. Вы не верите мне? Так вот напев этой песни. — Тут он стал насвистывать несколько тактов из шотландской песни «Joggarth Aroon».

Я вскочил, как ужаленный.

— Мне хочется пройти мимо этой церкви, друг мой! — сказал я. — Пойдемте, пока не слишком поздно; со мной вам нечего бояться.

Многие из присутствующих стали перешептываться, и не один сумрачный взгляд был брошен на меня, когда мы вышли с парнем.

На дворе было темно, как может быть темно только на берегу моря. Плотно держась друг за друга, мы брели по дороге, и я забрасывал вопросы нового приятеля. Он сообщил мне, что часть церкви была занята двумя старухами, к которым, выражаясь мягко, вся округа питала боязливое уважение. Судя по их описаниям, эти страхи не внушали все же и половины того

страха, какой вселял злой дух, являвшийся в той церкви, где они жили.

Это было ветхое, заброшенное здание в очень глухом месте. В стране, где процветает легенда, оно постепенно приобретало свою незавидную славу. Так мы продолжали пробираться среди черной ночи. Мой спутник знал дорогу, но я с трудом мог следовать за ним. Вскоре по нетвердой поступи Югена и его волнению я понял, что мы приближаемся к заброшенной церкви св. Блэза.

— Далеко ли до церкви? — спросил я с нетерпением, чувствуя, что темнота и каменная дорога начинают мне действовать на нервы.

— Мы совсем близко! — пролепетал парень. — Она не далее пятидесяти метров от дороги. Прибавим шагу.

В ответ на эти слова я запел припев «Joggarth Aroon».

— Что вы делаете, сударь? — дико вскрикнул мой спутник. — Не хотите ли вы вызвать духа?

разным отвращением я перебирал пальцами ребра и суставы скелета.

Внезапно я понял, в чем дело. Это был действительно скелет — железное отвратительное изображение Анку, — духа смерти, которое и создало этому месту его недобрую славу. Оно всегда стоит как страж при колокольных бретонских церквях. Я понял теперь, что лестница, ведущая на колокольню, должна быть тут же. Но как только я нашел ее и взялся за перила, то увидел перед собой свет и два искаженных злобой лица, подобные лицам фурий. Хранительницы церкви — решил я и стоял молча перед ними. Это была действительно зловещая пара — рослые, сильные, с нависшими бровями, отталкивающие старухи.

— Что вам нужно? — резко спросила одна из них на северном французском языке. — Чего вы ищете здесь?

— Вы отлично знаете, зачем я пришел! — отвечал

С проклятием передали мне ключ.

Быть может, мой смех оскорбил суеверие Югена, так как я слышал, как он стал шептать молитву. Но среди безмолвия ночи женский голос пропел тот же мотив. С воплем ужаса Юген бросился от меня в сторону и скрылся в темноте. Красивое, сильное сопрано продолжало звучать, направляя мои шаги, пока я не наткнулся на церковь. К счастью, на пройденном мною коротком расстоянии не было ям, и я, осторожно ступая, вскоре очутился под колокольной. Пение продолжалось. Я искал входа и нашел его довольно быстро. Ветхая дверь не имела ни ручки, ни засова. Оттолкнув ее, я погрузился едва ли не в большую темноту, чем снаружи. Благодаря резиновым подошвам моей обуви, моих шагов не было слышно на неровном каменном полу. Я пытался найти лестницу, ведущую на колокольню, откуда слышалось пение, избегая зажигать спички до момента крайней необходимости.

Мои протянутые руки прикоснулись к чему-то холодному, как сама смерть. Я почувствовал, как все мое тело съезжилось от этого леденящего прикосновения. С невы-

я зловещим и грозным голосом. — Вы укрываете даму против ее воли. Она одна в колокольне, вы грубо обращались с ней, стараясь довести ее до сумасшествия по приказанию ее мужа. Он нанял вас. Полиция уже идет, она будет здесь не позднее, чем через десять минут. Если вы дорожите свободой, уходите немедленно. Ключ от колокольни, да живо!...

Было несомненно, что мои слова сбили с них всю их смелость. Они со страхом переглянулись, более высокая из них с проклятием передала мне ключ. Обе старухи скрылись.

При слабом свете спички я с трудом поднимался по лестнице и наткнулся на дубовую массивную дверь. Оттуда слышался женский голос. Я повернул ключ и вошел.

IX.

Альма Уэзерд находилась там в полной темноте. Я не мог хорошо разглядеть окружавшей ее обстановки, но она мне показалась такой мрачной и гнетущей, что я уди-

влялся, как женщина могла выдерживать подобное существование.

— Мое имя — Джон Бенедикт! — сказал я, обращаясь к женщине полулежавшей на низкой выдвижной кровати в углу высокой, темной комнаты.

Теперь иногда я, смеясь, вспоминаю этот общепринятый тон, каким я отрекомендовывался при этих необычайных обстоятельствах.

— Я нашел ваше сообщение на занавеси в замке Корбеник.

— Благодарение судьбе! — сказала она почти шопотом. — Вы пришли, чтобы увести меня отсюда?

Я с трудом мог различить ее лицо при слабом свете моей спички, но я слышал в оттенке ее голоса бесконечное облегчение и благодарность. Это был удивительно чарующий голос с легким оттенком ирландского акцента.

— Да, — отвечал я, — вы должны пойти со мною в замок Корбеник. Оттуда завтра мы уедем в Лондон.

— Я знала, что кто-нибудь да придет в конце концов.

Она молча готовилась в путь, на что потребовалось не более минуты, так как у нее не было ни шляпы, ни верхней одежды. Затем так же молча мы спустились по лестнице и вышли.

— Вы должно быть очень находчивы? — проговорила она, глубоко вздохнув и опираясь на мою руку. — Да, очень находчивы, разгадав мою загадку, вышитую шелком. Вы писатель, не так ли?

Я отвечал утвердительно.

— Вчера в гостинице я случайно встретил вашего мужа...

— Он приезжал повидаться со мной, — сказала она, вздрогнув. — Он предлагал мне свободу, если я дам ему обещание молчать о его банковских предприятиях. Вам известно, что он намерен проделать? Тут нельзя терять времени, когда тысячи людей будут неминуемо разорены. Я слышала, как однажды ночью он обсуждал этот вопрос с человеком одинаковых с ним убеждений. Мои угрозы огласить эту грязную проделку заставили его вызвать по телефону доктора, такого же его сообщника. Я не хотела уступать, но на следующее же утро очутилась на яхте, на пути в Бретань. Пять месяцев я провела в замке Корбеник. Старые слуги, однако, не внушали ему доверия, и меня отдали в руки этих ужасных женщин. Здесь я провела около года. Все письменные принадлежности, когда я жила в замке, были отобраны от меня. Но мне пришла мысль вышить мое сообщение. Прибегнуть к обыкновенной азбуке я не могла. Тогда вспомнила об Огаме. Это была слабая надежда, но все же надежда.

Старые слуги, доверчиво считая меня душевно-больной, ничего не подозревали и угождали мне в том, что им казалось проявлением расстроенного ума.

Через час мы были в моей рабочей комнате в замке Корбеник.

X.

Не думаю, что издателю «Morning Mercury» пришлось провести когда-либо двадцать минут в подобном замешательстве.

Вначале он довольно неблагосклонно отнесся к нам и, пока я излагал ему свой рассказ, недоверчиво усмехался.

— Я знаю вас только по наружности, мистер Бенедикт! — сказал он. — Правда, я, хорошо помню лэди Уэзерд, но это в высшей степени неправдоподобная история! Она напоминает главу одного из ваших романов, должен вам сказать. Но почему вы направились ко мне? Конечно, если это правда — простите мою осторожность — мы будем только счастливы дать ей полную огласку, но мне кажется, что вам бы следовало начать с законных шагов...

— Мы, конечно, так и сделали! — ответил я. — Шотландский суд уже уведомлен, но власти там страдают большим скептицизмом и часто ограничиваются только расследованием. Иначе мы не были бы здесь. Можно ли дать Уэзерду ускользнуть со сбережениями тысяч бедного люда, не сделав шага, чтобы предупредить эту катастрофу?

— Я опасаюсь, мистер Бенедикт, что ваша репутация, как автора скорее фантастических романов... Впрочем, доверьтесь моему личному усмотрению. Мне нужно в этом разобраться. Если ваше заявление может быть доказано, я напечатать ваш рассказ, — он указал на мое переложение с Огама, — скажем, в пятницу. Пока же мы будем хранить строжайшую тайну!

В пятницу я направился к лэди Уэзерд и развернул перед ней номер газеты «Morning Mercury», где была статья с крупным заголовком:

МЕДНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНК. НЕОБЫКНОВЕННЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ. РОМАНТИЧЕСКОЕ БЕГСТВО ЛЭДИ УЭЗЕРД.

Но юстиция разыскала сэра Стэнли Уэзерд слишком поздно. Когда ее представители сломали дверь его кабинета в главной конторе Медно-Промышленного Банка, то нашли его лежащим со следами какого-то быстро действующего яда на губах, когда-то очаровательно улыбавшихся.

НИКАКИХ СОМНЕНИЙ

Из подъезда лучшего Лондонского отеля «Сесиль» вышел пожилой господин с дамой и, минуя длинный ряд таксомобилей, сел в свободный кэб.

— Куда прикажете, сэр? — осведомился кучер.

— По Англии.

— Ви... виноват! — сказал кучер в недоумении. — Если я правильно понял?...

— Правильно поняли. Да, по Англии, по всей Англии.

— Сэр изволит шутить.

— Я не шучу. И я плачу двойную таксу за все время. И вы потеряли уже две минуты.

Кучер больше ничего не сказал — и хлопнул бичем: — не по лошади, этого порядочный лондонский кучер не делает. И кэб покатился.

Было это 6 недель тому назад.

Шесть недель катился кэб с двумя седоками — мистером Армстронгом и его сестрой из Бостона — по чудным дорогам «доброй старой Англии». Побывали и в Шотландии, и в Уэльсе. Останавливались в городах и городках, всюду, где что-нибудь привлекало внимание. При сильном дожде укрывались в ближайшей придорожной усадьбе. Путешествие прошло великолепно, без малейших неудобств.

Сделав 3000 километров по Англии, мистер Армстронг на днях возвратился в Лондон. Конечно, газетные репортеры немедленно набросились на чудака, который в век автомобилей и аэропланов вздумал путешествовать в простом извозничьем кэбе.

— А по моему мнению, — сказал им мистер Армстронг, — только так и надо ездить, если хочешь получить представление о стране и удовольствие. Туристы, которые носят, сломя голову, по дорогам в многочисленных авто, — в сущности — только тешат фабрикантов автомобилей и шин, и достойны не зависти, которую возбуждают в пешеходах, а сожаления. Я ведь ехал не по делам, а для отдыха — и нашел его с кэбом в полной мере. Отныне я буду проповедывать во всем мире: долой автомобиль для туризма! Назад к лошади! Кэб — и никаких сомнений.

Но еще более, чем мистер Армстронг, остался доволен кучер, у которого счетчик платы тикал непрерывно в течение шести недель.

— Что вы сделаете с этим неожиданным заработком? — не преминули репортеры спросить бравого малого.

— Ну, конечно, куплю таксомобиль! — отвечал тот радостно. — К чорту лошадь, бич и кэб! Автомобиль — и никаких сомнений!

Записки ДНКЕ*

Фантастический рассказ

К. КРАСПИНК.

Рисунки Г. Фитингса.

бывала защита у великих держав, и все помнят события, последовавшие за этими днями.

В ночь на 4-е марта 19... года, в темную безлунную ночь, такую же хмурую, как и другие весенние ночи, окутывавшие своим тяжелым мраком маленькую сонную столицу республики Литовской, произошло событие, совсем не похожее на обычные весенние события. На окраине города Ковно, в расположении военных складов, раздался оглушительный взрыв, не оставивший ни одного целого стекла в городе и превративший в груды скрученных, обгорелых обломков всю огромную площадь складов. Последовавший за взрывом пожар несколько дней и ночей наполнял маленькую столицу удушливым дымом и ко-

потью. И слухи, еще более удушливые, чем дым, носились над испуганным городом. Установить непосредственную причину взрыва не удалось, так как все живое, что находилось на территории складов в ночь взрыва, было уничтожено.

Через два месяца, когда в конце работ по очистке территории взрыва в самом центре склада были найдены обезображенные остатки металлической рамы большого самолета, решили, что ковенские склады погибли от большевистского самолета, летевшего с преступными намерениями к восточному оплоту европейского порядка — столице Речи Посполитой...

Польша подняла невероятный шум.

Заверения Советского правительства в том, что ни один из его самолетов в эту роковую ночь не покидал пределов СССР, ни к чему не привели. Польша тре-

Много, много позже в мои руки попал один документ, ценность которого определяют сами читатели. Документ этот всего только дневник офицера 2-го польского авиационного полка пана Станислава Зброжек-Кржежевского. Весь или почти весь дневник стоит того, чтобы его опубликовать, но это мы сделаем в другой раз, сейчас же приведем только перевод той части, которая непосредственно относится к интересующим нас дням ковенского взрыва.

15 февраля. Этот балбес Вацлав опять клялся, что когда он пришел меня будить, я запустил в него салогом. Каждый раз, наутро после попойки, он рассказывает мне какую-нибудь чепуху, вместо того, чтобы поднять меня во-время. Кончилось тем, что из-за осла денщика я опоздал в штаб дивизии и встретил кислую рожу дивизионного адъютанта. Глупо было, конечно, напиться после получения накануне столь сугубого предписания:

«Спешно. Совершенно секретно.»

Капитану второго авиационного полка
Зброжек-Кржежевскому.

Предписываю вам к 9 часам утра 15 сего февраля явиться в штаб 1-й воздушной дивизии. Командировка носит совершенно секретный характер и в объяснение вашего отсутствия вам надлежит подать мне рапорт об увольнении вас в отпуск по болезни на месяц.

Командир полка, летчик наблюдатель
полковник Люзотинский.

Адъютант, военный летчик
поручик Кропачек.

С опозданием на полчаса я стоял перед огромным письменным столом начальника дивизии генерала Корф, где горой были навалены карты и другой бумажный хлам. Корф сосредоточенно жевал кончик длинного уса «а ля Пилсудский»; не понимаю, что может быть вкусного в таком желтом прокуренном пучке волос. Заставив меня простоять несколько минут, вероятно в наказание за опоздание, он поднял, наконец, голову:

— Садитесь, капитан! Наш разговор немного затянется. Вы, конечно, уже догадываетесь, что вам не удастся воспользоваться своим отпуском, так как этого хотелось бы вам и... вашим дамам. Вашим временем буду впредь распоряжаться я. Распоряжением господина военного министра лично мне поручено подготовить одну экспедицию высоко ответственного и совершенно секретного характера. На вашу долю

выпала честь быть техническим исполнителем этой экспедиции. Письменных инструкций, в целях сохранения тайны, вы не получите никаких, так что постарайтесь запомнить все, что я вам сейчас сообщу.

— На секретном секторе аэродрома в ваше распоряжение будет предоставлено два самолета Блерио—147: это совершенно новые аппараты, полученные из Франции специально для данной экспедиции, аппараты вполне надежные.

— Садитесь, капитан!

— Да вы сами увидите их завтра же. Один из самолетов предоставляется вам для тренировки. Второй надо сохранить совершенно свежим до самой экспедиции. На нем вы полетите. Пока я позволю себе не открывать вам конечной цели полета, а ограничиться ознакомлением вас с маршрутом. Вот прошу вас, капитан, к карте. В назначенный мною день вы должны будете вылететь из Варшавы в район Лиды. Там для вас будет подготовлена отличная площадка и все необходимое для дальнейшего полета. С главного аэродрома вы вылетите перед рассветом с тем, чтобы открытым прибытием в Лиду не возбуждать вредного любопытства пограничных жителей. Главные пункты дальнейшего вашего полета — вот по этой железнодорожной линии. Вот здесь вы видите: Вилейка, Полоцк, Невель, Великие Луки. Здесь курс резко на зюйд-ост и снова вдоль железной дороги на Ржев, Волоколамск и Москву. Обратно вы летите через Смоленск и Ковно. И оттуда до аэродрома 4-го полка нашей первой дивизии. Вот здесь, вот, видите?

— Я вижу, вы немного удивлены, капитан, но это так нужно. Следует уйти не тем путем, каким пришли и, кроме того, пустить зверя по ложному следу, на Литву. Весь полет, разумеется, без посадки. Я вижу, дорогой Зброжек, вы будто сомневаетесь в моих умственных способностях?.. Нет, нет, я вполне нормален. Вот погодите, завтра мы с вами вместе поедем на аэродром и взглянем на этих красавцев Блерио. Тогда вы сами убедитесь в том, что все обстоит благополучно. Дальность полета 3.000 километров. Шесть моторов вполне обеспечивают надежность полета, и при таком радиусе у вас остается свободная нагрузка в 3.000 килограммов. Правда, не плохо? Вы видите, эти каналы французы понимают дело.

— Самое интересное, капитан, ваш полет делается совершенно безопасным от противника. Понимаете вы: бе-зо-пасным? На моторах установлены изумительные глушители: по словам нашего механика, принимавшего аппараты во Франции, шум моторов поглощен совершенно. Итак, вы видите, вас не могут услышать, подходящая же ночь укроет вас еще и шапкой-невидимкой.

— Теперь несколько слов об экипаже. С вами полетит один пилот — ваш помощник. Его предоставляю выбрать вам самому из числа наиболее надежных офицеров любой части нашей дивизии. Кроме того, на борту будет находиться один навигатор — очень опытный и знающий молодой человек, только что вернувшийся из Франции, и механик, принимавший аппараты во Франции — парень тоже отлично знающий дело и вполне надежный. Однако, цель полета будете знать только вы, капитан. Маршрут будет известен, конечно, еще и навигатору. Словом поляка и солдата, я обяываю вас самым безусловным молчанием. Ни одна живая душа не должна знать ни

полслова. Своим же словом я заверяю вас, что, по возвращении из перелета, ваша заслуга не будет забыта правительством. Сегодня же министр поручил мне передать вам о том, что им подписан приказ о производстве вас в чин подполковника. От казначея моего штаба вы можете немедленно получить пособие на лечение в отпуск в размере трехмесячного содержания подполковника... Ну-с, итак, милый Зброжек, до свидания, завтра в 7 часов утра на главном аэродроме.

Через какой-нибудь час я катил уже из штаба с новыми документами и приятно пахнувшей пачкой новеньких злотых.

17 февраля. Вчера я провел весь день на аэродроме. Старик Корф не соврал. Эти Блерио, действительно, чудные машины. Это бипланы 28 метров в размахе, с довольно толстыми крыльями. Два пилотских места расположены рядом. Нечего говорить о том, что бортовое оборудование блестяще выполнено. Шесть Испано по 450 лш. сил снабжены усовершенствованными глушителями, на вид довольно компактными и простыми. Бортовой механик имеет в полете доступ к четырем моторам из шести. Это уже утешительно.

В общем, осмотр машины вселил в меня уверенность, что проект Корфа вовсе не абсурден, как показалось мне сначала. Интересно только знать, какого еще дьявола приумали эти жидконогие французики, что не пожалели для нас таких прекрасных птичек, каких еще нет на вооружении даже и в их собственных авио-частях.

А, впрочем, мое дело не рассуждать, а исполнять приказания, особенно, когда дело касается того, чтобы насолить этим красным башибузукам.

Я не был в Москве с того самого января 1918 года, когда, оставив там в руках какого-то лохматого типа в кожаной тужурке свои корнетские погоны, отбыл в здешние края. Зато теперь я сделаю визит красной Московии, не спрашивая разрешения товарища Чичерина.

Сегодня я приехал на аэродром к девяти часам. Механик Краспинский, который по приказанию Корфа должен будет лететь со мной, действительно весьма знающий парень. Но он мне вовсе не внушает доверия, как спутник в столь рискованном предприятии: уж очень у него штатские замашки и ультра-демократические суждения...

Совсем другое дело, прикомандированный ко мне аэро-навигатор. Хотя он и владеет в совершенстве польским языком, но мне кажется не поляком, жившим во Франции, а французом, жившим в Польше. Да и фамилия у него подходящая к такой догадке — Лемонье. Он не только производит впечатление весьма понимающего свое дело специалиста, но, повидимому, вполне отдает себе отчет в политике, как это подобает порядочному человеку и доброму офицеру польской армии.

27 февраля. Собственно говоря, сегодня я сел писать из-за того, что на аэродроме у нас произошел забавный случай. Двое солдат из команды, обслуживающей ангары секретной части, были застигнуты в то время, когда исследовали мои аппараты с несколько большим вниманием, чем то положено им по инструкции. Кончилось тем, что, при более тщательном расследовании, у них на квартире были найдены кое-какие эскизы и несколько зашифрованных записок, которых пока не удалось расшифровать. Эти теплые ребята оказались рабочими одной из пограничных фабрик, лишь недавно попавшими на военную службу.

Для нас совершенно ясно, что если это не большевистские шпионы, то одни из так называемых «сознательных». Во всяком случае, дефензива сделает свое дело, и надо думать, что до отлета я узнаю в чем дело.

1 марта. Я опять пропустил несколько дней в записях, но, повидимому, теперь уж так и пойдет до самого отлета. Более подробное описание придется отложить до возвращения из экспедиции.

Когда я вернулся с аэродрома, мой Вацлав с какой-то уж очень многозначительной миной сообщил мне, что те два солдата, которые были арестованы во время осмотра моего самолета, сегодня ночью казнены. Сначала я набил морду этому скоту, а затем пытался добиться от него, откуда он мог узнать о расстреле, когда приказ о нем был совершенно секретным и даже не был известен офицерам. Я ничего не добился, но теперь он уже сидит там, где следует, и по всей вероятности там сумеют получить от него нужные сведения...

Кончится тем, что у нас не останется ни одного надежного солдата. Поляки перестают быть поляками. Все больше и больше этих идиотов, из-за непонимания наших настоящих интересов, попадает в сети коммунистов. Ну, да ничего... Когда надо будет, мы с ними поговорим по-настоящему...

На завтра назначен перелет в Лиду, а в ночь с третьего на четвертое марта мы полетим к месту назначения...

Сегодня же Корф, еще раз обвязав словом, посвятил меня в цель полета.

Моя задача будет заключаться в том, чтобы уничтожить этот большевистский улей и лишить междunarодные рабочие организации и коммунистические партии их головки. Короче говоря, я должен сбросить на Большой Кремлевский дворец, где происходит какой-то конгресс этих красных разбойников, 3.000 кило шнейдерита в пяти аэробомбах, доставленных для этого из парижской лаборатории взрывчатых веществ. По словам Корфа, действие этих бомб превышает почти в два раза действие тех бомб, которые имеются в наших авиационных частях.

Не стану скрывать, что неприятный холодок подрал меня по всем позвонкам, когда я подумал о своей судьбе в случае посадки с таким багажом в пределах СССР. Но Корф почти тотчас, как-будто читая у меня в голове, заявил:

— Что касается возможной посадки в тылу, за пограничной линией, то она почти исключена. Вы, полагаю, сами убедились в этом, познакомясь со своим самолетом. Но, конечно, не исключены какие-нибудь случайности и вам, полковник, надо быть готовым ко всему. Мои инструкции на сей случай таковы: если вынужденная посадка совершится в пределах СССР, то ее вообще не должно быть... Вы меня понимаете, полковник? 3.000 кило шнейдерита — вполне достаточный запас для того, чтобы избежать следов присутствия незваного воздушного гостя. Я вижу, вам не по себе, господин Зброжек? Напрасно. Не думайте, что я зверь. Вы будете в полете снабжены парашютом лучшего образца. Что касается остального экипажа, то тут уж ничего не поделаешь. Вам придется принять меры к тому, чтобы и он не оставил после себя следов, которые могли бы повести к нежелательным осложнениям. Короче говоря — ни у кого, кроме вас, парашютов не будет. Что касается вашей судьбы после посадки, то о ней вам придется позаботиться самому. Полагаю, что тот мундир, который вы носите, лучше всего подскажет вам, что нужно будет делать. Должен предупре-

дить, что все документы ваши будут выправлены на имя офицера литовской службы. Та же будет на вас и форма. В случае чего литовскому министерству иностранных дел мы предоставляем доказывать, что оно не верблюд, т.е., что вы не являетесь агентом именно литовского правительства. На самый крайний случай, я вам советую захватить револьвер, но постарайтесь, чтобы ни у кого из членов этой воздушной экспедиции не было оружия во избежание каких-либо неожиданных осложнений. Во всяком случае, у вас в револьвере патронов будет вдвое больше, чем с вами полетит людей, а внешний вид у них будет литовский.

— А теперь, господин полковник, позвольте еще раз пожать вам руку и пожелать как следует отдохнуть перед тяжелым полетом. Утром я вас встречу в Лиде и буду сам присутствовать при вашем старте в Москву.

Тогда же вечером. Быть может эта моя запись будет последней. Во всяком случае, продолжать дневник мне придется только после возвращения. Следовательно, весь вопрос в том, вернусь ли я? Надо думать, что вернусь. Все сделано для того, чтобы избежать каких-нибудь неприятных случайностей.

С одной стороны, меня весьма удовлетворяет то обстоятельство, что я смогу действительно насолить большевикам так, что они это почувствуют. С другой стороны, я начинаю немного нервничать как от всей обстановки полета, так еще и из-за того, что я должен буду, в случае неудачи, сам уничтожить весь экипаж, спасаясь один. Строго говоря, мне неприятно это делать только по отношению к поручику Лешинскому. Хитрец Лемонье сам знает, на что он идет, а этот долговязый механик Краспинский, пожалуй, и не в счет. Я все больше убеждаюсь в том, что он не только не нашего лагеря, но и просто подозрительный тип...

Здесь в дневнике полковника Зброжек следует длительный перерыв. Следующая запись не имеет перед собой числа. Повидимому, она сделана уже много позже событий, в ней описанных, так как описание носит довольно спокойный характер воспоминаний.

«Я полковник, но зато я и совершенная развалина. Вся голова моя покрыта сединой. С левой стороны мундира у меня блестит большой военный крест и командорский крест почетного легиона, но зато с той же стороны у меня, вместо ноги, болтается какая-то сложная система металлических пластинок на кожаном футляре, заменившем мою бывшую капитанскую ногу. У меня отличная пенсия, но зато у меня и ясное сознание того, что не сегодня, завтра, и крестики и полковничьи погоны, и отличная пенсия — все это полетит к дьябловой матери, отнятое рукой какого-нибудь денщика Вацлава: тот памятный мне Конгресс в Большом Кремлевском Дворце все-таки сделал свое дело...

Однако, я должен еще рассказать о том, как был совершен московский рейд, ставший последним моим полетом.

3-го марта утром я прилетел из Варшавы в Лиду. Корф сдержал слово и ждал меня на подготовленной для моей посадки площадке. Добрая половина дня ушла на возню около самолета и моторов. До сумерок Корф отправил нас всех спать. Когда мы приехали из Лидской гостиницы, где нас наполовину съели клопы, на аэродроме все было уже готово к старту, самолет заправлен. Под его брюхом мягко поблескивали темной поверхностью своих тел те самые гостиницы, которые я должен был сбросить над Кремлевским дворцом.

Когда механик Краспинский увидел под самолетом бомбы, он как-то неприятно дернулся и спросил меня, зачем они нужны. Я без особенных церемоний сказал, что если б это его касалось, то, по всей вероятности, я бы сообщил ему это и без его дурацких вопросов. Тогда он осведомился только, боевые они или учебные, и когда я подтвердил последнее, он выразил настойчивое желание лично осмотреть, как укреплены бомбы в бомбодержателях, так как он не доверял здешним механикам, недостаточно хорошо знающим эти новые французские приборы.

Мне сильно не нравилась рожа Краспинского, особенно его сосредоточенные, пристальные глаза, сверлившие меня с настойчивостью, говорившей о чем-то большем, чем простая предосторожность хорошего служки. Как бы там ни было, но он полез под самолет и лично проверил бомбодержатель каждой бомбы и действие рычагов с моего места. Через пять минут он доложил мне, что все в порядке и можно садиться в машину.

Через десять минут я уже рулил к старту. Перед тем, как дать газ, я в последний раз проверил все управление, проверил переговорные аппараты со всеми чинами экипажа. Лемонье спокойно заправлял маршрутную карту в автоматический порткарт, поворачивавший карту соответственно скорости движения самолета. Наконец, он установил карандаш навигатора на кружок с надписью «Лида» и сообщил мне, что он готов.

Лешинский хмуро укладывал в бортовую сумочку распакованные плитки шоколада. Я понимал, почему он хмурится: ему, офицеру, своему товарищу и помощнику, я отказался сообщить цель полета. Он был этим крайне задет и не старался скрыть своего недовольства.

Наши пилотские места были расположены рядом и, таким образом, каждому из нас было хорошо видно движение карандаша навигатора, установленного перед навигатором, сидящим несколько впереди нас, в удобной застекленной кабинке. В случае надобности любой из пилотов мог перейти на место навигатора. Место механика было расположено сзади, таким образом, что с него было видно четыре мотора из шести и легко было выйти для ремонта их в полете.

Я не мог не обратить внимания на то, что Краспинский как-то сразу успокоился после того, как осмотрел бомбодержатели и почти весело проверял набор подручного инструмента, укрепленного в специальных кожаных конвертах по бортам его кабинки.

Но вот я прибавляю газ. Корф, стоявший в стороне от самолетов, нервно ковыряет ножнами сабли утоптаный снег.

Полный газ. Я чувствую, что машина уже рвется из рук удерживающих ее мотористов.

Я поднимаю свою бесконечно-огромную в меховой перчатке руку и вижу, как она бросает слабую тень от лучей, заходящего за моей спиной солнца.

Бурный вихрь холодного воздуха слегка задувает из-под козырька. Аэродром бежит... Рукоятка немного от себя — чувствую, что хвост оторвался от земли. Рукоятка на себя — аэродром уходит все больше и больше. До свидания, польская земля. А может быть, прощай?..

Зимние сумерки охватывают все плотнее и плотнее. Солнца уже больше нет. Осталась где-то сзади светло-розовая полоска на горизонте.

Впереди в кабине Лемонье мягким синим светом загораются лампочки над приборами и картами.

Я включаю освещение нашей кабинки. Продолговатые лампы бросают свет только на приборы.

Слегка трогаю своей неуклюжей рукавицей сектора. Как-то неприятно, что на повышение числа оборотов моторы не реагируют повышающимся ревом, — глушители делают свое дело; за работой моторов можно следить теперь только по приборам.

— Краспинский, как дела с моторами?

— Отлично, господин полковник. Все, как один — 1.700.

— Лемонье, проверьте направление.

— Есть!

Через минуту голос Лемонье жужжит в трубку:

— Не отходите от условленных курсов, навиграф работает идеально. Сноса пока нет, так как ветер почти в лоб.

— Как ты себя чувствуешь, Бронислав?

Сердитый голос Лешинского бросает в ответ:

— Идъ до дзябла!

Я вглядываюсь искоса в его силуэт рядом с собой, но не вижу ничего, кроме неуклюжей головы с топорщащимися вперед очками.

Мы не спеша набираем высоту. Мой альтиметр показывает уже около двух тысяч. Пока довольно. Перед переходом через границу надо набрать три с половиной — эта высота предписана. При подходе к Ржеву надо набрать 4.000, — и так до Москвы.

Я отыскиваю левой рукой свой «хвост» — шнур со штепселем от моего термо-комбинезона. Куда он заделся?.. Ага, вот он, подлый. Втыкаю его в гнездо на борту. Прежде всего начинаю чувствовать тепло на подошвах ног и на коленях.

— Всем включить грелки!

— Есть!

— Есть!

— Есть!

Бронислав отвечал последним. Жаль, что перед самым полетом он надулся.

— Бронислав, постарайся уснуть. Через два часа я передам тебе управление, а сам сосну. Только вот что: проверь, пожалуйста, теперь же прицельные приборы.

Я всматриваюсь за борт. Землю видно хорошо, несмотря на то, что нет луны. Небо затянуло облаками. Звезд не видно совершенно. Это хорошо, чем темнее, тем лучше.

Только далеко внизу слабо светится земля с редкими пятнами леса. Как какие-то болячки выползают эти пятна, нарушая однотонный ровный пейзаж. Ночь так темна, что даже наезженных дорог не видно. Только когда дорога перерезывает лес, видна на его черном фоне узкая светлая ленточка.

Мертво и пусто кругом. В жужжащем вихре полета кажется, что я несусь один в безбрежном океане ночи, и этому океану не будет конца.

Вот железная дорога совершенно исчезает где-то вправо. Делается совсем тоскливо.

— Лемонье, проверьте!

— Все верно. Через десять минут должна быть Вилейка.

Ага, это уже лучше. Все-таки люди. Однако, надо обходить этих людей стороной. И боюсь я потерять из виду человеческое жилье, и вместе с тем боюсь попасться человеку на глаза. Пожалуй, второе хуже первого. Вот влево от меня медленно проходит разбросавшаяся кучка огней. Это, вероятно, освещенный вокзал.

Обойдя Вилейку, мы снова выходим на линию железной дороги.

Слежу за едва ползущей перед Лемонье картой. Вот карандаш навиграфа начинает сползать влево с жирной красной курсовой черты. Значит, ветер меняется. Беру соответственно вправо. Вижу, как карандаш возвращается на красную черту и снова чертит по ней немного волнистую спасительную линию. Да, Ле-Приер не дурак. Дорого бы дали в прошлую кампанию за такую штучку и союзники и немцы.

Оглядываю все приборы. Все работают, как часы. Время идет. Я чувствую это по рукам, не глядя на часы.

— Лемонье, что справа?

— Лепель.

Ага, Лепель. Теперь уже не далеко до Полоцка. Обойти его, и тогда за дело, Лешинский. Только засну ли я? Нервы так напряжены.

Что делают мои спутники? Лешинский спит. Лемонье тоже, кажется, клюет носом над своими приборами.

Стараюсь рассмотреть, что делается у механика. Толком ничего не разберешь, но как будто он пишет, по крайней мере ясно белеет листок бумаги под его очками.

— Краспинский, вы что, никак писанием занялись?

— Да пишу, на всякий случай, завещание.

Вот идиот, что он издевается надо мной, что ли этот долговязый?

Вот слева блеснули вдаль огни Полоцка, а прямо впереди Полоцк. Полоцк!... Почему с этим словом всплывает в голове представление о третьем классе кадетского корпуса, длиннополым сюртуке учителя истории...

— Эй, Бронислав, проснись. Бронислав!

Нет, заснул так, что телефоном его не разбудить. Протягиваю руку и толкаю мягкой рукавицей податливую сонную голову.

— Проснись, тетеря, Полоцк!.. Сейчас я обойду его, а там ты веди до Ржева. Не забудь, что от Ржева надо набрать высоту.

Наконец, огни Полоцка остаются далеко позади. Я чувствую, что рукояткой и педалями управляет другой. У Бронислава твердая рука, сразу дает себя чувствовать.

Бронислав оказался не исполнительным помощником, хотя и хорошим другом: вместо Ржева он довел машину до самого Волоколамска. Когда он разбудил меня, огни этой колокольной колыбели уже исчезали сзади. Пока я огляделся, просмотрел приборы и взял в руки управление, вдаль стало видно светлое зарево Красной столицы, этого неугомонного гнезда мировой крамолы. Вспомнил, как восемь лет тому назад я быстро утекал из Первопрестольной. Зато теперь я в десять раз быстрее приближался к ней.

Как часто я видел сверху добрую старую Москву еще учеником московской школы. Вот только ни разу не пришлось летать ночью, тогда у нас об этом не думали. Узнаю ли я ночную Москву? Сумею ли разобраться?

Глаза сами невольно скользят по приборам и пробегают по всему аппарату. Матка Боска, до чего ясно виден весь самолет — крылья, стойки, моторы — все это совершенно отчетливо выделяется на посветлевшем небе. Или нет, не посветлело небо, а посинело. Облака стали реже и в окна лукаво подмигивают мне предательницы звезды.

— Поручик Лешинский, полное внимание! На плане Москвы вы видите в самом центре темный обвод — это Кремль. Внутри обвода крестом отмечено

здание — цель нашего полета. Я буду работать своим прицелом — вы проверяйте установку по своему.

— Есть!

— Господин полковник, подход с северо-запада. Ориенторо аэро-маяк около самой Ходынки, — раздается голос Лемонье.

— Вы разве бывали в Москве, Лемонье?

— Да, и не так давно...

Вот вправо от меня яркая кучка светлых фонарей с высоко висящими в воздухе красными точками — то станция радио с предупредительными красными лампами на мачтах.

Ага, нам везет! Вот сквозь неистово крутящийся вихрь снега блеснули два ярких перекрещивающихся бело-голубых меча — соображаю, что это прожектора на аэродроме Ходынки. Повидимому, и красные сегодня летают. Вот от аэродрома нам совершенно ясно видно мигание перемежающегося венца зеленых и красных бусинок.

— Краспинский, последите за зелено-красными огнями — это Морзе. Постарайтесь разобрать, какой цвет тире, какой точка и, прочтя сигналы, скажите мне.

Чтобы дать Краспинскому время, делаю круг над аэродромом. Через две минуты его голос звенит в наушниках.

— По-моему, у кого-то из них потух хвостовой огонь. Осторожно. Снеговая туча скоро пройдет. Ветер тот же, — отвечает он мне, подозрительно минуя данное ему мною поручение.

Мой альтиметр показывает 2.500. Это удачно, что в воздухе есть и красные самолеты. Даже если наши глушители и не так хороши, при таких условиях это не опасно. Однако, надо внимательно следить за тем, что делается кругом. Ведь мы идем без всяких огней, и от меня одного зависит избежать столкновения с теми, кто кружится над Ходынкой.

Вот снова мигают зелено-красные глазки. На этот раз я сам читаю сигналы красных: «Ремизов, потушите бортовые огни, держитесь строго на 500 метров. Краузе, осторожно, 1.000 метров».

— Ага, спасибо, большевики, теперь я знаю, что моя высота может быть даже 1.500 без всякого риска.

Довольно над аэродромом. Идем к Москве. Нервы натягиваются, как струны. Снимаю правую рукавицу и осторожно ощупываю рычажки бомбосбрасывателей. Вот в моем визире проходит светлое пятно площади перед Александровским вокзалом с его маленькой дугой. Вот четкой линейкой идет подо мной Тверская-Ямская. Эх, матка боска, сколько раз юнкером и молодым офицером я бывал в этих краях!

На минуту отрываюсь от приборов и окидываю взглядом весь город. Резким, точно засыпанным огнями кольцом, видны Садовые.

А вон подальше, концентрически к ним, — кольцо бульваров, его свет еще резче.

Чем дальше к центру, тем глуше и ярче становятся огни. Снова к визирю. Вот в него попадает яркое пятно Театральной и сразу сменяется темным прорывом Красной площади... Вот и Кремль. Рука немного дрожит...

— Лемонье, я сделаю круг и пойду потом вдоль реки.

— Есть!

Подо мной плывет залитый огнями Кремль. Резкой чертой выделяется обвод кремлевской стены. За ее пределами много теней.

Вот ко мне попадает и заметное здание Большого Кремлевского...

На альтиметре 1.500 метров.

— Лемонье, проверьте еще раз все данные. Бронислав, последи за прицелом.

— Есть!

— Есть!

Но вот сделан и полный круг. Всего три минуты, а как будто прошли часы. Как хорошо видна ленточка Москвы-реки, с перепоясавшими ее двойными линейками мостов.

Снова Кремль. На первом проходе сброшу три. Остальные на втором. Так вернее.

Рука перестала дрожать. Глаза впились в трубку прицела.

Большой Дворец... Нажим. Второй. Третий... В чем дело. Нет взрывов внизу.

Ужасная мысль... Краспинский...

— Краспинский, скорей, в чем дело?

— Не могу знать, господин полковник, все было в порядке.

— Краспинский, надо осмотреть бомбодержатели. Эй, слышите, вы там?..

— Это невозможно полковник. В люке я могу осмотреть только две средних бомбы.

— Хорошо, скорей.

Две бомбы. Две, как же с остальными? Тысяча дзэблов. Это Краспинский... Этот проклятый Краспинский...

Вот Кремль снова ушел из-под меня. Время терять нельзя...

Последний круг.

Его ненавистный голос.

— С бомбами все хорошо, полковник. Я не понимаю в чем дело.

— Краспинский, вы врете. Вы понимаете, чем это для вас пахнет?.. Краспинский, я знаю все, — исправляйте свое дело или... Слышите вы, дьявол?.. У вас есть жена, она поплатится за ваш поступок... Слышите вы?..

— Господин полковник, две бомбы вполне исправны. — Две бомбы? Да, только две. Ладно, хоть две. Но это очень трудно. Вместо шести только две. Мало шансов. Проклятые большевики.

Последний раз иду на Кремль. В визире цель. Два быстрых нажима на бомбовый рычажок...

Снова ни одного взрыва... А, проклятый предатель... От бессильной злобы у меня дрожит все тело, круги в глазах.

— Бронислав, я не могу, возьми управление. Набирай на две тысячи.

— Лемонье, курс на обратный маршрут.

Но что же мне делать, что мне делать? Сейчас же пристрелить эту гадину. Нет нельзя. Ведь еще надо довести самолет до дому. Проклятый, проклятый... Мысли насканивают одну на другую.

Я не скоро пришел в себя. Мы оставили влево огни Можайска, когда я обратил внимание на карту. Бедняга Бронислав сумрачно следит за приборами.

Что-то Бронислав? Ведь он только теперь, повидимому, понял в чем дело. Впрочем, не в том дело. Как я мог не осмотреть бомбы сам перед вылетом? Тоже хорошо, нечего сказать! Мне нет оправдания. Проклятые большевики! Да, да, большевики, это они... Ведь здесь у меня на борту один из них... Краспинский. Что он делает? Я вглядываюсь в его силуэт, но по-прежнему ничего не могу разобрать.

Однако, надо взять себя в руки.

— Эй, Бронислав, друг, как дела?

— Ходь до дзэбла. Ты сам во всем виноват. Не доверять своему офицеру и положиться на хама из этих же... Да, да, ты виноват.

Теперь я понимаю, что Бронислав прав. Я, пожалуй, виноват. Ведь этот Краспинский хам, наверное, из рабочих или что-нибудь в этом духе. Как можно было ему доверять. Нет, виноват не я, а Корф.

В наушниках голос Лемонье:

— Господин полковник, скоро Смоленск.

Как Смоленск? Значит уже два часа, как мы ушли из Москвы. Да, Смоленск. Надо его обойти на всякий случай — ведь там стоянка его Красной эскадры.

Голос Лешинского:

— Зброжек, у меня, повидимому, испортился обогреватель в рукавице. Рука очень замерзла. Возьми, пожалуйста рукоятку.

Да, да надо взять управление... Бедный Бронислав... Сейчас, сейчас... Я машинально берусь за рукоятку. Глаза сами собой пробегают по приборам и снова застывают на доске номера первого. Опять он шалит.

— Бронислав, можешь бросить управление — я взял. Краспинский, что такое опять с первым номером?

— Опять со смазкой, полковник. Надо переключить маслопровод. Я сейчас пройду к мотору.

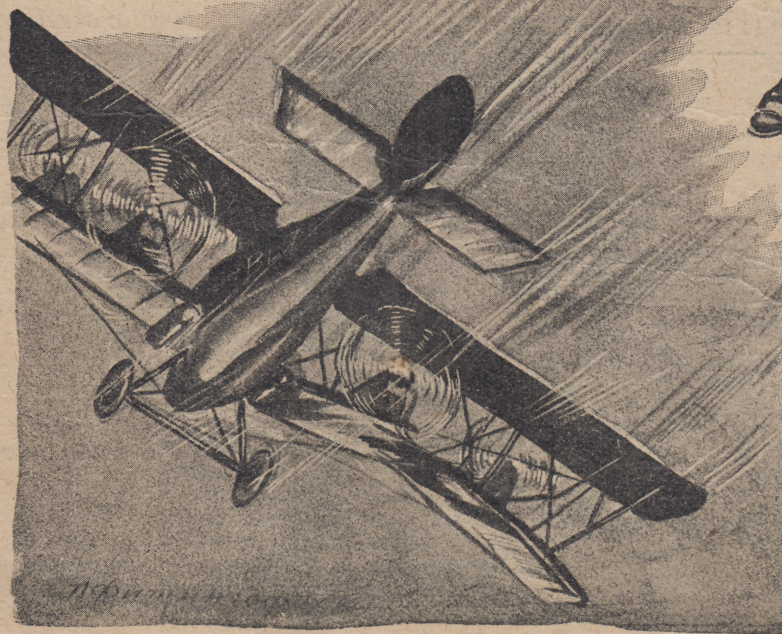
Я вижу, как в темноте неуклюжий силуэт Краспинского появляется над бортом его кабинки и от стойки к стойке пробирается к первому номеру. Стрелка показывает, что масло к первому номеру совсем перестало итти. Я глушу его совсем... Чего там возится этот мерзавец? Он давно уже должен бы кончить свое дело... Ага, вот масло снова пошло. Снова встало. В чем дело?.. Я вглядываюсь в темноту ночи, но едва только различаю на левом крыле около моторного кока темный силуэт.

Матка боска, что это?

— Бронислав, что там с Краспинским? Может быть ему надо помочь?

— Я не пон...

Лешинский не успел договорить. Оба мы застыли от оцепенения. Фигура Краспинского виднелась теперь, стоя на капоте мотора. Вот он, видимо, слезает. Проклятие... Краспинского нет. Он исчез, точно его смыло... Неужели сорвался?

На минуту я потерял сознание.

— Броня, милый, в чем дело?

— Сейчас, Зброжек, я посмотрю, чего он там возится.

— Нет, нет, разве ты не видишь, что его нет. Он... сорвался.

— Чорт с ним! Я сам пройду к мотору и посмотрю.

— Не смей, Лешинский! Я запрещаю. Мы дойдем на пяти.

Да, да на пяти мы дойдем. Но только ведь рассчитывали итти назад с облегченной машиной, а теперь у нас на борту лишних три тысячи кило. Надо как-нибудь от них избавиться. Ах да, Смоленский аэродром... Попробую сбросить бомбы на него.

— Бронислав, осмотри хоть средние бомбы.

— Есть!

Бронислав исчезает совершенно за бортом своей кабинки. Через пять минут его голова снова появляется и слышу в телефон:

— Я ничего не могу разобрать, Зброжек. Там совершенно немыслимо работать. По-моему, была разъединена тяга к сбрасывателям. Я что-то соединил, но не ручаюсь, что верно.

Верно или неверно, но надо попробовать.

— Лемонье, мы не будем обходить Смоленск. Ведите прямо на город. В окрестностях найдем аэродром.

Ага, вот то, что нужно! Вот темные пятнышки ангаров. Вот они у меня в прицеле. Нажим. Другой. Снова ничего. Проклятый Краспинский... Тысячу раз проклятие...

Я не очень отчетливо помню обратный путь. Кажется, где-то между Смоленском и Ковно, я снова передал управление Лешинскому. Я не спал. Нет, это я знаю

хорошо, что я не спал. Но, что было, я помню очень слабо.

Меня привело в себя резкое, необычайное подергивание всей правой коробки крыльев. Тахометр центрального мотора показывал бешеные обороты, стрелка неровно скакала между 2.5000—3.000. Сектор закрыт, стрелка встала, но почему так дергается правая сторона? Аппарат валится на правое крыло.

— Лешинский, в чем дело?

— Я не знаю. Что-то с правой коробкой. Я боюсь, не пропеллер ли центрального мотора...

— Да, да это самое вероятное. Надо посмотреть.

— Броня, води самолет ровнее. Я посмотрю, что там такое.

Быстро отсегивая пояс, вылезаю из своего места и вдоль корпуса пробираюсь к переднему мотору. Висящий за спиной ранец парашюта сильно стесняет движения. Пожалел, что не оставил его в кабине.

Вот и замершая в своем молчании масса мотора. Его не надо долго осматривать, чтобы понять в чем дело. Вместо пропеллера торчит какой-то безобразный деревянный обломок. Все понятно. Теперь надо осмотреть крылья. Повидимому, осколки пропеллера там что-то натворили. Мне некогда раздумывать над причинами поломки пропеллера. На четвереньках, цепляясь за стойки и тросы, я пополз вдоль крыла.

Пока все благополучно. Ага, вот мои руки до самых плеч провалились в зияющую дыру. Матка боска, целый колодец. Скелет крыла исковеркан большим куском пропеллера. Основной лонжерон перебит. Вся часть крыла за дырой беспомощно бьется, окончательно доламывая крепления. Надо скорей к себе на место. Как можно меньше газ. Осторожно тянуть до первого поля, и там как-нибудь сесть... Ах да, я забыл, мы не должны садиться...

Аппарат сильнее дергается и все заметнее делает крен. Видно, Лешинскому трудно держать его ровно. Да, да, я иду на свое место. Вот оно. Я лезу в кабину. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что мы уже почти под Ковно. Несчастье неизбежно. Что же делать? Что же делать? А, впрочем, выбора нет. Инструкция ясна: никаких свидетелей.

Прямо передо мной встает совершенно зеленое лицо Лемонье. Он почему-то без шлема. Он лихорадочно старается вылезть из своей кабинки, но, повидимому, не расстегнул пояса. Ничего. Ты знал, на что идешь...

А вот Броня, как же ты? Броня, прости, Бро... ня... про... сти. У меня стучат зубы. Дрожащей рукой выключаю управление Лешинского... Теперь он не сядет.

Я быстро поднимаюсь на руках над бортом своей кабинки. Расправляю ремни парашюта. Передо мною неожиданно встают расширенные глаза Бронислава. Его рука тянется ко мне. Сильный бросок всего самолета. Я получаю увесистый удар по лицу. Я знаю, что этот удар не случайность. Но в свисте ветра я не слышу слов, которые вырываются из искаженного рта Бронислава. Я их не слышал, но я их знаю так же хорошо, как будто их меня заставили заучивать, как урок. Ужасные, кошмарные, позорные слова.

На минуту я потерял сознание. Но еще в воздухе, вися на парашютной сбруе, я пришел в себя от оглушительного взрыва, как будто расколовшего земную кору. Оттуда, из недр земли, вырвался резкий слепящий блеск. И вслед за ним высокими языками запылало внизу пламя пожара.

Я понял, что это такое... Свидетелей не будет, господин Корф!.. Можете доложить министру. Ветром меня относило далеко к югу, от пылавшего внизу адского пожара. Уже теряя сознание от резкой боли в левой ноге, повидимому, вследствие неудачного спуска, я сообразил, что больше я не подполковник Зброжек-Кржежевский, а капитан литовской службы Никодим Мацикас.

На этом кончается интересующая нас часть дневника подполковника Зброжек.

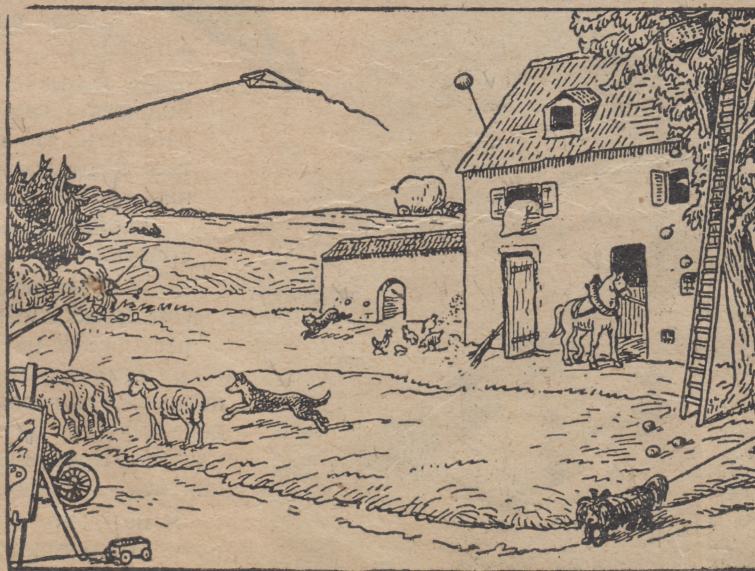
К вечеру 5-го марта крестьянами Смоленского уезда был найден в поле совершенно размозженный труп, представлявший собой мешок костей. При осмотре тела в боковом кармане кожаного комбинезона были обнаружены документы на имя сержанта литовских авиационных войск Антона Навкунского и обрывок письма, писанного карандашом и, повидимому, в очень неудобном положении, так как строчки его идут в совершенном беспорядке:

«Анна, передай товарищам, что это будет стоить мне жизни, но рабочий сделает свое дело. Ни один из шес..... —».

На уцелевшей части конверта можно было разобрать остатки адреса:

«Варш... Анне Краспинск...».

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Сколько лиц на этой картине?

ЗМЕИНЫЙ УКУС

Рассказ Р. Кэмпбелл.

Иллюстрация Ж. Дормидонтова.

Притаившийся в тени скалы человек всячески скрывался от словно движущегося от зноя горизонта. Прямо над головой, из медно-красного неба, безжалостно светило солнце. Зловещий хохот шакала то и дело раздавался неподалеку.

Почти невыносимая духота не стерла с лица отдыхающего в тени Бредертона спокойной улыбки. Она была вызвана лежащим рядом с ним мешком, заключавшим в себе плоды шестимесячного утомительного труда. Золотой песок на 500 фунтов, ведь это не маленькие деньги. Два дня он все время размышлял о том, как ему благополучно доставить деньги до ближайшей станции, чтобы поехать на родину и жениться на Анни. И сейчас, вспомнив о девушке, он взглянул на тоненький жестяной ящик, составляющий часть его багажа, и широкая теплая улыбка озарила его лицо. Ему не пришлось до сих пор еще ни разу воспользоваться ящиком с медикаментами, да он и не хотел его брать с собой. Анни так настоятельно потребовала, однако, чтобы проклятый ящик сопровождал его во время путешествия, что он из боязни оскорбить ее чувства, очень неохотно, но все же согласился.

— Ну, пожалуй, пора в путь! — вслух сказал Бредертон и приподнялся, опираясь на руку. Острая боль в кисти, похожая на укол раскаленной до-красна иглы, заставила его вскочить на ноги. Взглянул вниз и увидел на высушенной зноем земле быстро удаляющуюся змейку, не больше фута длиной. Одним движением ноги Бредертон раздавил извивающееся существо, забыв и про боль в руке. Когда же его взгляд случайно упал на руку, он заметил два маленькие булавочные укола, из которых медленно выползли две капельки алой крови. Страшная мысль молнией прорезала его мозг. Он внимательнее рассмотрел мертвую змею. В горле застыл крик ужаса, все затнулось густым туманом и нелепо запрыгало перед глазами. Неожиданно бросился в глаза маленький жестяной ящичек, лежащий на земле у самой скалы.

Стрихнин, только стрихнин может спасти ему жизнь! Яд укусившей его змеи оказывал свое смертельное действие спустя 20 минут после укуса. Значит, жить оставалось 20 минут или... или 1.200 секунд. Почти не созная того, что делает, Бредертон наклонился и механическим движением открыл ящик, вынул шприц и маленькую ампулу, наполненную бесцветной жидкостью. Набрав шприцем жидкость из ампулы, он обнажил руку и приблизил иглоу к белой коже, готовясь вонзить ее в тело. Бредертон колебался. Слова, которые незадолго до своего отъезда ему пришлось слышать от одного врача, припомнились ему с необыкновенной яркостью.

— Единственное противоядие против укуса гремучей змеи это — стрихнин. Но смотрите, молодой человек, если вам когда-либо придется быть укушенным такой змеей, не делайте себе впрыскивания, не удостоверившись окончательно в том, что это действительно гремучая змея. Ведь если бы змея оказалась не ядовитой, то стрихнин наверняка убьет вас.

Бредертон отвлел шприц в сторону и еще раз внимательно рассмотрел змею. Сомнений быть не могло. Характерная расцветка и рисунок на шкуре явно говорили за то, что перед ним лежала гремучая змея. Но был ли он в этом уверен? Выхода не было. Если животное безвредно, спустя 10 минут после впрыскивания ему грозит смерть от стрихнина. Если же оно ядовито, то через 20 минут после укуса ему не избежать гибели.

Подумав еще несколько минут, он решительным движением взялся за шприц и, воткнув в кожу иглоу, нажал маленький поршень. Жидкость вся быстро влилась в вену. Чтоб не уснуть, Бредертон нервно заходил взад и вперед, томимый мучительным ожиданием и неизвестностью.

***

Когда, спустя два дня, Бредертон проснулся прохладным утром и угрюмо осматрелся вокруг себя, то увидел всходящее на далеком горизонте солнце, почувствовал на лице свежее дыхание ветерка и острое ощущение жизни наполнило все его существо. Он был еще очень слаб и с трудом шевелил распухшим одеревеневшим языком, но знал, что опасность миновала и стрихнин его спас. Однако, за последние 48 часов он был близок к смерти. Хотя до окончательного истощения своих моральных и физических сил он заставлял себя ходить, но наступил какой-то момент, когда Бредертон упал без чувств и погрузился во мрак небытия. Да и трудно предположить, чтобы присутствие в человеческом организме двух таких сильно действующих ядов не вызвало бурной реакции.

Приняв сидячее положение, он потянулся за флягой с водой и, жадно припав губами к горлышку, опустошил ее почти всю. Освеженный водою, он осмотрел свое имущество и убедился, что нужно немедленно двигаться дальше, так как запас воды и пищи был на исходе. Когда Бредертон нагнулся, чтоб поднять ставший ему близким и дорогим ящик с медикаментами, какие-то голоса раздалась из-за скалы и привлекли его внимание. Посмотрев вниз, он увидел очертания двух мужских фигур, шедших ему навстречу. Сердце радостно забило, появилась маленькая надежда на то, что они помогут ему достигнуть желанной цели. В голове пронеслась мысль о возможности купить у них воды, кое-какой пищи, табаку и, подкрепившись, отдохнув еще один день, он с новыми силами мог бы продолжать свой путь.

Приложив обе руки трубкой ко рту, он окликнул их. При звуке его голоса, незнакомцы замедлили шаг и немного беспокоило, как ему показалось, переглянулись. Наконец, более высокий из них крикнул:

— В чем дело?

— Окажите мне помощь, кто бы вы ни были! — стараясь изо всех сил, кричал Бредертон. — Заболел, без подкрепления не могу идти дальше.

— Вы один?

— Да.

Они ускорили шаги и через минуту стояли у скалы. Достаточно было одного беглого взгляда, чтобы убедиться в явной недоброкачественности этих людей. Сердце Бредертона сжалось тягостным предчувствием, но отступать было уже поздно. Старший был гигантского роста и сложения, с похожим на дикого зверя лицом. В то время, как другой, маленький, с хитрыми, хищными, бегающими глазенками, представлял собой полную противоположность своему приятелю. Первым заговорил великан:

— А у вас действительно больной вид. Что же это с вами стряслось?

Заметив на себе пристальный взгляд, Бредертон как-то сразу почувствовал необыкновенную тяжесть от мешка, подвязанного у него на боку. Увидев валяющийся на земле ящик с медикаментами, он стал рассказывать им о том, что произошло, чтобы отвлечь от себя их внимание. Когда он кончил, они с любопытством открыли ящик и подробно осмотрели его. Потом, обменявшись взглядами, стремительно на него направились и повалили на землю.

Через полчаса связанный Бредертон лежал под скалой, а справа виднелись удаляющиеся фигуры злоумышленников. Они уносили с собой мечты его будущего, золотой песок, ящичек с медикаментами, остаток пищи и воды, оставляя ему взамен смерть от голода и жажды. Измученный Бредертон закрыл глаза. Солнце палило нестерпимо.

***

Утомленные жарой оба злоумышленника решили к вечеру отдохнуть, расположившись лагерем. Они дошли до

места, где перед ними растилась огромная лужа прозрачной воды, приятно нарушавшая однообразие пустыни, по которой они путешествовали целый день. Близость большого тенистого дерева сулила возможность укрыться от ночной росы.

— Останемся здесь! — коротко сказал великан.

Окинув всю местность быстрым взглядом, его маленький компаньон беспокойно возразил:

— Это место не годится, тут должны быть змеи.

— Змеи? Плевать на змей! Они не тронут нас, если мы не будем трогать их. Здесь переспим ночь, а завтра будем продолжать путь. И не возражай! Слушай, что тебе говорят! — грубым голосом решительно заявил великан.

Маленький покорился. Он как всегда, принес воды, разложил еду и сделал все нужные приготовления для ночлега. Покончив со скудным ужином, они, кряхтя от удовольствия, вытянулись под деревом и вскоре мерное дыхание двух спящих усталых людей нарушило тишину ночи.

привидение, стал медленно пробираться к луже, судорожно сжимая палку в руках. Бесконечно долго тянулось время, пока, наконец, он не увидел того, что ему было нужно. На дне лужи, причудливо извиваясь, показалась гремучая змея. Молниеносным движением он опустил расщепленную палку в воду и ущемил ее голову между двух концов. Через секунду, держа в руках палку с корчащейся на конце змеей, он приблизился к дереву. Наступил опасный момент. Лихорадочно дыша, предвкушая томительную сладость мести, он наклонился над спящим мужчиной. Взяв другую палку в свободную руку он поспешно сбросил змею на грудь великана. Сделав это, он не слышно скользнул под одеяло, расположенное по другую сторону дерева.

Удобно свернувшись на теле спящего, змея коснулась обнаженной руки. Почувствовав неприятное холодное прикосновение, великан зашевелился и змея ужалила его. Он с отчаянным воплем вскочил на ноги, уронив на землю змею. Увидев ее, он с яростью наступил на нее и душе-

Медленно выплыла луна и сквозь листву дерева залила своим холодным светом тихую засеребрившуюся лужу. Внезапно, дыхание одного из спящих будто оборвалось. Маленький человек, осторожно подняв голову, пристально стал смотреть на своего соседа. Великан прерывисто храпел, как-то странно пощипывая носом, что указывало на полное изнеможение и крепкий сон. В стеклянных глазах маленького человека появилось ехидное выражение и, довольный своими наблюдениями, он выскользнул из под одеяла и бесшумно открыл ящик с медикаментами. Руки его слегка дрожали, когда он вытащил две ампулы и поднял их кверху так, чтобы луна осветила бесцветную жидкость. Одна из них была пуста, та самая, которую использовал человек, оставшийся далеко в пустыне, связанный и ограбленный ими. Он наполнил ампулу водой и, сделав на ней отметку, чтобы впоследствии отличить ее от другой, аккуратно положил обе ампулы обратно в ящик.

Зловещая тишина и лунный свет, казалось, наполнили всю вселенную. Великан продолжал тяжело храпеть. Пугливо озираясь по сторонам, довольный, что его движения не разбудили спящего, он вынул из кармана перочинный нож и срезал с дерева небольшую ветку. Расщепив ее с одного конца и отделив рукой одну расщепленную часть от другой, он придал ей вид вилки, а затем, словно

раздирающим голосом принялся звать на помощь своего приятеля. В ответ на громкие крики маленький человек открыл глаза и, спросонья лениво потягиваясь, спокойно спросил:

— «Чего орешь, в чем дело?»

— Ящик, ящик! — прерывающимся голосом повторял великан. Меня укусила змея. Спаси! Да, ну-же, шевелись окаянный!

Маленький человек вскочил, схватил ящик, и, открыв его, вынул оттуда ампулу с отметкой и шприц. Набрав в шприц жидкости из ампулы, он впрыснул ее в руку мечущегося в смертельном страхе великана. Закрыв лицо руками, великан грузно опустился на землю, перекачивая свое огромное тело из стороны в сторону и рыча, как раненый зверь. Время шло, маленький человек не спускал с него глаз, презрительно улыбаясь своими тонкими злыми губами. Наконец, руки великана медленно разомкнулись и маленький человек с удовольствием заметил, что движения его становятся неуверенными, а лицо с каждой минутой делается все темнее и темнее. Он услышал ослабевший от борьбы со смертью голос великана:

— Я умираю, оно не подействовало, не подействовало.

В глазах маленького человека появилось демоническое выражение и лицо его исказилось злобой; он сжал худень-

кий кулачек и, потрясая им в сторону умирающего, прошипел:

— Да, ты умираешь и попадешь в ад, который по тебе давно тоскует. Это ты довел меня до преступления, ты заставлял меня пускаться в грязные авантюры, ты отнимал у меня все мои заработки, ты и сейчас взял бы все золотое себе, если бы я не помешал тебе.

Он умолк, обрывая душивший его поток ярости.

— Проклятье! — собрав последние силы и пытаясь встать, пробормотал великан, но движения его уже были парализованы и он снова тяжело опустился.

В это время, какое то бешенство вновь овладело маленьким человеком. Он вскочил и бросился к змее лежавшей без движения на земле. Смело, схватил ее руками, он поднес ее к самому лицу умирающего великана.

— Это моя змея! — истерически кричал он. — Моя, моя! Я сам поймал ее, сам положил на тебя и знай, что в венах твоих не обезвреживающий укус стрихнин, а вода, обыкновенная во... — Он не успел закончить слова, как почувствовал легкий укол в руку. Взглянул на змею, которую держал в руке, и увидел, что несмотря на раздавленную спину, она слабо двигалась. Живая! — промелькнуло в мозгу. — Укусила! Далеко швырнув змею, он устался на красневшие на белой коже уколы. Упорная мысль сверлила мозг, но тело не повиновалось и он не сразу подошел к ящику, где покоилась последняя ампула с животительной жидкостью. Дрожа всем телом и быстро перебирая скляночки, он вынул нужную ему ампулу и, при свете луны вскрыв ее, быстро наполнил шприц. Облегченно вздохнув, он уже спокойнее, уверенный в том, что спасен, воткнул блестящую иглу в свое тело.

***

На следующее утро Бредертон был еще жив, но в его воспаленном мозгу, то и дело, проносились фантастические картины. Он видел маленькую, горячо любимую Анни, рядом с собой и ему казалось, что она стала его женой, чтобы уже никогда не покидать его. Внезапно эти болезненные мечтания были прерваны звуком приближающихся лошадиных копыт и человеческими голосами. Он сделал невероятное усилие, чтобы крикнуть, но из пересохшего горла не вырвалось даже слабого подобия звука. Бредертон не мог подняться из-за тугих веревок, врезавшихся в его тело; пошевелил ногами и от этого движения несколько камней скатилось вниз со скалы. Звук катящихся камней оборвал человеческие голоса. Через пять минут Бредертон увидел два револьверных дула, а за ними несколько человек в полицейской форме. При виде их он лишился сознания. Очнувшись, он увидел себя окру-

женным людьми, заботливо подающими ему помощь. Когда подкрепленный выпитым и съеденным, он почувствовал себя лучше, начальник полицейского отряда предложил ему рассказать обо всем происшедшем. Внимательно выслушав его до конца, начальник пронзительно свистнул:

— Они самые, ребята! Я узнаю их по описанию этого парня. В какую сторону направлялись эти негодяи, дружище?

Бредертон указал на север.

***

После двухчасовой бешеной скачки по пустыне, полицейский отряд, в сопровождении Бредертона, достиг прозрачной лужи и тенистого дерева. Они остановились и слезли с лошадей. Под деревом их глазам представились два мертвых тела. Начальник отряда внимательно осматривал землю. Он увидел искаженные черты мертвых людей, убитую змею и, наконец, пустую ампулу.

— Мне кажется, — медленно произнес он, — что большой, — он указал на великана, — умер от змеиного укуса, а второй — от отравления стрихнином.

— Странно! — возразил Бредертон. — Я могу поклясться, что это гремучая змея, и уверен, что не ошибаюсь.

— Да, но змея, вероятно сперва укусила большого, а затем маленького. Маленький первый впрыснул себе стрихнин, не оставив ничего своему приятелю.

— Ну, и что же? — удивленно спросил Бредертон. — Что же из этого?

— Что? Да очень просто! Когда змея вторично укусила маленького, в ее жале уже не оставалось больше яда. Понимаете? Он об этом не подумал и умер от действия стрихнина.

Дрожь пробежала по телу Бредертона.

Начальник передал ему мешок с золотом.

— Много денег? — заметил он. — Сколько?

— Около 500 фунтов, — ответил Бредертон.

Начальник рассмеялся.

— Невеста есть?

— Есть.

— Вот-то обрадуется!

— Очень! — сказал Бредертон уверенным тоном.

— И даже больше, чем вы думаете! Вот эти два, — указывая на трупы, продолжал начальник, — были воры, объявленные вне закона, да к тому же еще убийцы. За их головы будет выдана награда. Часть ее получите вы.

*****

ИДУТ-ЛИ ЧАСЫ ПРАВИЛЬНО?

(Задача на сообразительность).

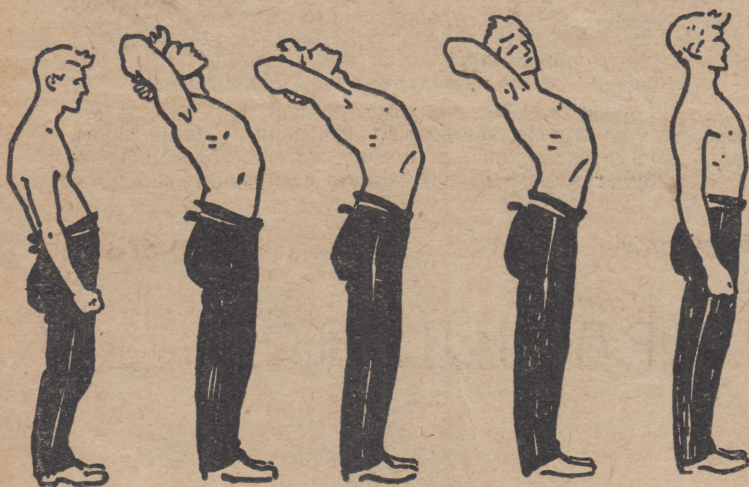

Здоровая выправка — основа спорта

Если вы думаете, что именно спорт является целителем всех ошибок нашей повседневной жизни, всех изъянов нашего запущенного здоровья, то вы ошибаетесь. Вернее обратное утверждение: наша повседневная жизнь и наш внимательный уход за собой подготавливает нас к спорту в любой его разновидности.

Вглядимся, например, в обычную манеру держать свой корпус. Посмотрите на первую фигуру нашего рисунка со скрюченной спиной, вдавленной грудью и выпяченным животом. Даже смотреть неприятно! А ведь именно так держатся многие, даже сами не подозревая о существовании у них столь безобразной фигуры, которая невольно вырабатывается под влиянием продолжительной сидячей жизни.

Отучить себя от этой согбенной формы, искоренить в себе эту некрасивую и вредную поведку — таков должен быть первый подход к делу физического самовоспитания. Рисунок же наглядно показывает, как следует успешно бороться с этой вредной привычкой и победить ее. Обратите внимание, что руки мы складываем у затылка черепа, а не у середины его. Такое положение наших рук заставляет подаваться вперед нашу голову, но мы удерживаем ее на месте и тем самым укрепляем наши шейные мускулы. Одновременно мы достигаем этим упражнением и ряда других полезных результатов: выпрямляем позвоночник, поднимаем ребра и, вызывая более глубокое дыхание, укрепляем наш брюшной пояс, т.е. мышцы живота.

Слева — кривая фигура, затем идут упражнения, а направо — добытая упражнениями правильная осанка.

Так из вялой и развинченной фигуры уже одним этим упражнением создается более живой и крепкий человек.

Упражнения идут в следующем порядке:

Исходное положение: стоять прямо и соединить руки над головой. 1) Голову нагнуть вперед, подбородком на грудь. 2) Поднять голову, словно звезды разглядывать. 3) Голову назад, грудь вперед, живот подтянуть и не подаваться назад бедрами. 4) Закинуть голову назад, как можно дальше и 5) крепко сжатыми друг с другом руками поворачивать голову направо и налево поочередно. Следите за тем, чтобы не оттягивать судорожно назад свои плечи.

Так вырабатывается та пружинистая, спортивная осанка, которая отличается силой и непринужденностью. Так рождается в нас приятное чувство здоровой жизне-

деятельности, когда мы правильно и регулярно упражняем наше тело. Один американский врач справедливо утверждает: «Нужно крепче держать свой затылок и свой живот; тогда можно рассчитывать прожить на половину больше, чем живет средний человек».

Особенно же развивайте свое тело в летнее время, когда нам сполна обеспечен приток свежего воздуха, столь необходимого при всяких спортивных упражнениях. Поставьте себе за правило каждое свое утро открывать

Рис. 1.

рядом небольших упражнений. Вы скоро сами убедитесь, что потраченное на эти упражнения время искупится с лихвой. Бодрая жизнерадостность и повышенная работоспособность — вот наша награда. Взрослому человеку или подростку (безразлично!) нужно уделять каждое утро 5—10 минут на гимнастические упражнения. **Не занимайтесь более десяти минут.** Не следуйте примеру тех, кто тратит на эти упражнения ½ часа, ибо в этом случае часто достигают противоположных результатов, а, именно, переутомления своего тела.

Рис. 2.

Существует множество разных систем для повседневных гимнастических упражнений нашего тела. У нас хорошо известна, напр., система датчанина Мюллера, а за самое последнее время привлекла к себе внимание Запада новая система Г. Сурена. Пользуясь работой последнего, мы и даем ряд упражнений, которые вполне достаточны для каждого из нас.

Упражнения туловища. Поворачивая кругом наше туловище, как указывает рис. 1, нужно вытянуть руки прямо, по ширине плеч, не сближая друг с другом ладоней. Они

не должны опускаться при сгибании туловища вперед, но все время служить продолжением самого туловища. Поднимая туловище, делайте вдыхание, опуская его — выдыхание. Вертите туловище сначала вправо, а затем влево. Оканчивайте это упражнение рядом глубоких дыханий

Рис. 3.

сгибание рук при сильном напряжении мускулов. А затем совершенно ослабьте свои мускулы и свободно потрясите рукой, словно вы слегка встряхиваете свои мышцы. — Поднимайте и опускайте свое тело руками (рис. 4). Тело должно быть в прямом положении; не сгибайте его, опускаясь и поднимаясь на руках. Когда привыкнете к этому упражнению, начните поочередно поднимать

в прямом положении. Затем принимайтесь за второе упражнение (рис. 2) — поднятие и опускание ног в лежачем положении. Не поднимайте ног так, чтобы они составляли острый угол, т.е. не задирайте их слишком высоко. Упражнение становится труднее, когда нужно описывать ногами небольшие круги, то во внутрь, то наружу. Всегда следите за равномерностью своего дыхания. Заканчивайте это упражнение рядом глубоких дыханий, когда встанете на ноги. Дышите через нос.

Упражнение для рук. Согласно рис. 3 вытяните в стороны свои руки и крепче сожмите кулаки. Поочередно

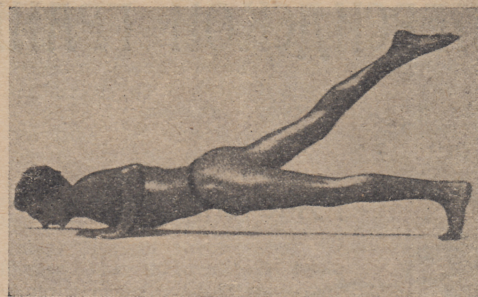

Рис. 4.

левую и правую ногу, как указывает рисунок. Вдыханием сопровождается опускание, выдыханием — подъем. Встаньте и ряд глубоких дыханий через нос.

Упражнения для ног. Поочередное высокое приподнимание ног с помощью обеих рук (рис. 5). — Приседание с вытянутыми вперед руками. Конец обычный — ряд дыханий.

Упражнение для шеи. Вращение головы когда руки уперты в бедра. Голова вращается справа налево и обратно, проходя линии груди, плеч и затылка.

Выполняя все эти гимнастические упражнения, обращайте внимание на то, чтобы они производились вами не механически, но сопровождалась вашей волей достичь того или иного движения. Одним механическим выполнением движений цель не может быть достигнута с надлежащей полнотой.

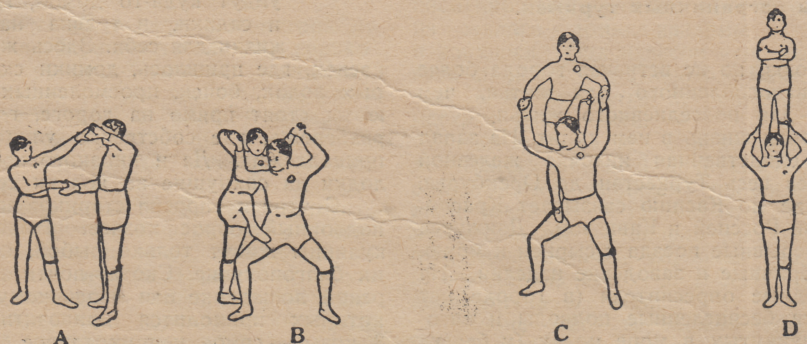
В. Динзе.

Рис. 5.

Редакция журнала начинает со следующего номера помещать статьи и очерки, посвященные спорту, охоте и рыбной ловле.

Как нужно вставать на плечи?

Наш рисунок показывает, каким путем можно легко и свободно встать другому на плечи. Конечно, вначале спешить нельзя, и первые опыты должны производиться медленно, чтобы твердо сохранять равновесие. Уверенность и быстрота исполнения придут сами собой с течением времени. Держите друг друга крепко, но тот, кто подста-

вляет свои плечи, всегда должен быть готов к тому, что встающий на него крикнет и одновременно спрыгнет. Это значит, что встающий на плечи не нашел на этот раз твердой точки опоры, и своим предостерегающим криком уведомляет товарища о необходимости для него спрыгнуть вниз.

НА ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЕ

I. Поездка статистиков. — Город Красноводск. — Каспийское море.

Это было в начале европейской войны. Наш небольшой статистический отряд получил задание произвести обследование хозяйства туркмен, живущих на границе бывшей Закаспийской области (теперь Туркменской ССР) и Персии.

До Красноводска мы добрались по железной дороге. Много я поездил по всем землям и городам, образующим

Типы пограничных туркмен.

теперь наш Советский Союз, но не встречал города более унылого, более не приспособленного для жилья, чем Красноводск. Именно, — для повседневного жилья.

Торговая и транспортная жизнь в нем кипит. На запад от города начинается единственная ниточка железной дороги, проходящая через весь Туркестан до Оренбурга. Пароходное же сообщение по Каспию связывает Красноводск со всей центральной Россией и Кавказом. Двигутся по железной дороге непрерывные поезда с сырьем к морю, а в глубь Азии идут фабричные и заводские изделия. На станции работают громадные опреснители (в городе нет питьевой воды), движутся бесчисленные подводы и автомобили, а на далеко выдвинутых в море молах (у берега очень мелко) идет погрузка, грохочут краны и лебелки, и черные маслянистые пароходики убегают на запад в Россию. Сам же город почти ничего не производит и мало потребляет. Воды в городе нет, зелени никакой, в городском садике за решеткой погибают 3—4 чахлах кустика саксаул и гребенщика, в окрестностях начинается песчаная безлюдная пустыня и низкие холмистые горы.

Отвалили мы отсюда на старой шкуне «Каспий». Море блестело зеленоватыми пятнами разных оттенков, изредка посверкивали белые гребешки морских волн.

Каспийское море (в сущности — самое большое в мире озеро) издавна служило торговой дорогой, связывающей Персию, Индию, Бухару и Хиву с Кавказом, а через Волгу с Россией. Из далеких стран, через чужие земли, мимо полудиких племен, купцы везли негромоздкие, ценные товары (драгоценные камни, шелковые материи, слоновою кость, золото и серебро) и от них было чем поживиться. Здесь в свое время действовал знаменитый казачий атаман Стенька Разин, недаром и туркмены прибрежных и островных аулов получили племенную кличку «огурджали», т. е. воры. В наше время эти огурджали — мирные рыбаки, рабочие на промыслах и небогатые кочевники-скотоводы.

Все мы слышали о рыбных богатствах в низовьях Волги и в Каспийском море у Астрахани, но и восточный, азиатский берег моря дает не мало ежегодного улова красной рыбы (белуга, осетр, стерлядь, белорыбца) с ее вкусной икрой, а также обыкновенной, частичковой рыбы: вобла, судак, сазан, сом, сельдь. Здесь же рыбаки добывают редкость Каспийского моря — тюленей.

II. Поселок Чикишляр. — Аул Гассан-Кули. — Рыбные промыслы. — Базар. — Откровенный шпион.

После 20-часового морского плавания мы добрались до Чикишляра, куда морские суда не пристают из-за мелководья. Километрах в 4—5 от берега всех пассажиров приняли крупные парусные лодки (кулас), с небольшой качкой доставившие нас к мосткам, выдвинутым от берега на 200—300 метров.

Чикишляр — бедный небольшой поселок в 2—3 улицы, заносимые песком примыкающей к морю пустыни, без всякой растительности. Далеко выдвинуты в море небольшие рыбные промыслы. Там в громадных сараях происходит чистка, солка и упаковка рыбы. Хозяева промыслов и их рабочие — все русские. Туркмены же соседнего аула занимались на своих бударках и домбалах (двухвесельные лодки) исключительно ловом рыбы, которую и сдавали по дешевой цене на промыслах. Эксплуатация темных туркмен шла нещадная.

Через 3 дня, на маленьких (вдвое меньше узбекских) двухколесных арбах двинулись в аул Гассан-Кули, стоящий у устья реки Атрек, на самой границе с Персией. Не больше двух часов ехали мы по пустынной дороге: с одной стороны широкие отмели и мелкие, похожие на громадные лужи, заливы моря, с другой — солончаковая бурая пустыня, покрытая буграми движущегося песка (дюны) с изредка темнеющими пятнами низких трав. За последние годы азиатский берег Каспия сильно обмелел. Даже мелкие рыбацкие лодки не могут пристать прямо к берегу.

Наконец, показался аул Гассан-Кули, сползающий к самому берегу одноэтажными и двухэтажными домиками, юртами, складами, сараями. Сочками, перевернутыми лодками.

Опять странное, кажется, впечатление: что люди не живут здесь постоянно, а лишь приехали на несколько месяцев поработать, наловить и засолить рыбы и, закончив свое дело, наверное, уйдут куда-то домой, где есть и прямые ули и садики, и травка на улице и какая-нибудь жизнь для себя. Здесь же все поставлено кое-как,

наспех, где пришлось, домики сколочены из каких-то старых лодок, бочек, просмоленных досок, рваные трепанные юрты стоят прямо на дороге, где ни поало. Никак не разберешь, где собственно улица и что какому хозяину принадлежит. Да и никакого хозяйства тут нет. Разве — лодки да сохнувшие на колыях сети.

С утра я опросил стариков-яшули (выборных) и начал подворный опрос хозяев. Выяснилось, что все гассанкулинцы живут только рыбой, от улова которой зависит их благополучие. Скота — почти никакого, только по замороженной лошаденке или маленькому ишаку (ослу), корм для которых приходится привозить из Персии, да по 2—3 козы, — самое неприхотливое животное. Посевов, конечно, нет: кругом песок и солончак. Некоторые туркмены пробуют выгонять дыни, выкапывая для них в песке ямки глубиной до полметра, загоразивая их от наноса песку и часто поливая соленой водой. Овчинка выделки не стоит: хлопот много, дынь получишь 5—10 штук, да и те неважные, водянистые. Проще съездить на лодке в соседнюю Персию и привезти хороших дынь и арбузов. Оттуда же доставляют все нужное для обихода: одежду, посуду, хлеб, чай. Даже вода здесь привозная: и продается по 3—4 коп. за ведро, а зимой даже по 10 коп.

Как-то утром пошли мы с товарищем на аульный базарчик, раскинувшийся в центре Гассан-Кули. На арбах, лотках и просто на земле разложили торговцы-туркмены и персы свой непривлекательный товар: мату (бумажная ткань), рубахи, порты и халаты, платки и кушаки, мягкие сапоги (ичиги) и кожаные калоши, дыни, хлеб (кавказский чурек), кислое молоко и катышки сухого сыра (катык).

Какой-то юркий человек упорно сопровождал нас и, покрывая на торговцев, подавал нам при покупках различные советы. На нем была рваная, на половину туркменская, на половину персидская одежда. На мой вопрос, кто он такой, оборванец со спокойной угодливостью ответил: «Я—шпион!»

Пораженный его откровенностью и таким неожиданным определением профессии, я помолчал и потом нерешительно спросил, за кем же и с какой целью он шпионит. Увидя, что им интересуются, оборванец приосанился и охотно пустился в рассказы о себе.

— Меня тут все знают. И не только рыбаки в Гассан-Кули и Чикишляре, но и иомуды по Атреку, и пограничники, и даже персы в аулах. Ну, в больших аулах или у железной дороги я хожу спокойно, а если—в степь, в пески, то поглядывать надо! Скоро-скоро «кончал базар» будет! Я—шпион по контрабанде. Когда из-за границы персы и иомуды тайно ведут верблюжьи караваны с чаем, шелком, анашой (опиум), то об этом по обе стороны границы всегда кое-кто знает. Контрабандистам нужно вперед узнать, как дела идут на пограничных и таможенных постах, надо сделать остановку, кормить, а иногда сменить верблюда, самим есть и пить, надо кружным путем пройти в Ахал-Теке (Асхабад) или в Мерв, а то и прямо через пустыню Кизил-Кумы в Хиву. Много людей знает, что караван идет. Тому сунешь туман—два (персидская монета), того угостишь кок-чаем, глядишь,—всегда что-нибудь узнаешь. А узнал, беги на пост к пограничникам. Если контрабанду задержат, шпиону платят от 2 до 5 процентов всей стоимости товара. Ай-яй, хорошие деньги бывают!

— Ну, а опасно? Если контрабандисты поймут?

— Да, было дело со мной. В третьем годе взяли они меня на кардонной дороге. Еще хорошо не убили, потому что только подозрение имели, завезли меня в устье, взрезали обе пятки, насыпали туда мелко нарезанного конского волоса, зашили да и пустили опять на дорогу: иди куда хочешь! Пограничники к вечеру подобрали, в больнице вылежал 3 месяца в Кара-Кала. А брата, вот, весной поймали, так сняли всю одежду, связали руки и ноги, да до головы и зарыли в песок, верстах в 3 от дороги. Кричи—не кричи! Так и кончился! Уж на третий день туркмены нашли шакальи объедки. Да, бывает! За то хорошие деньги можно заработать.

III. По реке Атреку.—Аул прокаженных.—Жизнь пограничников.—Охота на тигров и кабанов.—Иомудские племена.

На другой день мы вчетвером выехали верхом вверх по пограничной реке Атреку где сидит несколько иомудских аулов.

Во всей нижней части течения реки, километров на 100 от моря, вода в Атреке и в береговых колодцах горько-соленая, а в отдельных рукавах-болотцах загнившая, отчего среди населения очень распространены желудочные болезни. Нам пришлось взять с собою 6 ведерных боченков привозной персидской воды. С нами же отправился джигит Клыч, командированный гассан-кулинским старшиной, как проводник.

Солнце пекло почти невыносимо. Надо было держать закрытыми темя и затылок, а потому к фуражкам мы прикрепляли сзади небольшой кусок полотна, свисающий на плечи. Туркмены, да и другие народы Туркестана, круглый год носят высокие меховые шапки, превосходно защищающие от жары. На улицах городов и кишлаков часто можно видеть даже рабочих лошадей с грубой соломенной шляпой на голове.

Вторая мера, так сказать, отрицательная и ей научил меня мой верный спутник—переводчик Махмуд. Все путешественники берут с собой в дорогу фляги, плетенки, термосы с водой. Никогда не следует в дороге на солнцепеке пить холодную воду, которая лишь на мгновение освежит рот, зато позднее возбудит более сильную жажду. Придешь на стоянку, укроешься в тень—пей сколько хочешь, да и то лучше всего горячий горьковатый кок-чай, превосходно утоляющий жажду. Недаром, и узбеки,

и туркмены, и киргизы весь день, по возможности, пьют чай. Веками и миллионами людей выработанная привычка.

Недалеко от Гассан-Кули у самой дороги я увидел небольшую группу из 4—5 построек из барочного и лодочного теса, каких то ящиков и плетней. Все это очень напоминало курятник. В одном крохотном окошке виднелась большая дыня, а в другом—странное белое лицо, без губ, с обнаженными челюстями. Непосредственно у обочины дороги стоял широкий плоский ящик и ветхая корзина.

— «Махау!»—пояснил джигит Клыч.—Здесь живут прокаженные. Живут подаянием. Для этого у дороги и выставлены ящик и корзина».

Я бросил в ящик какую то монету.

— Ну, а прокаженные никуда не выходят из своего махау? И родственники не посещают их здесь?

— Как не ходить!—спокойно отвечал Клыч.—Подаяний от проезжих мало, вот они и толкуют где-нибудь в сторонке у базарчиков, собирают в деревянные чашки милостыню, сдачу дают из той же чашки, покупают в лавченках хлеб, чай, дыни. Да и родня сюда ходит—жалко своих близких. Принесут им в чашках поесть, а через день—два обратно забирают посуду.

— И часто здесь в аулах встречается эта зараза?

— Да, бывает! Все от аллаха! Его святая воля! Слушаются и браки между прокаженными, рождаются у них дети. Ну, эти—обреченные. Маленькое дитя на вид здорово, а годам к 10—15 болезнь уж скажется!

Шагах в 30—40 от дороги стояла громадных грифов (степных орлов с голой шеей) терзала труп павшего осла

Река Атрек.

Хищники не обращали внимания на нашу проезжающую группу и лишь иногда, ссорясь друг с другом из-за лакомых кусков, взлетали, широко расставляя огромные крылья.

Уже к вечеру мы приехали на пограничный пост Кара-Дейш, расположенный на высоком песчаном бугре, над крутым обрывом реки, густо поросшей камышом. Еще издали маячила деревянная наблюдательская вышка, где посменно дежурили пограничники. Самый пост состоял из жилого домика-казармы с террасой, 2—3 сараев и конюшен. Под навесом террасы висел колокол для тревоги и сидел караульный. Винтовка лежала рядом на скамье, а полуодетый пограничник безмятежно чинил подметку своего сапога.

Нашему приезду обрадовались. Удостоверившись по документам в нашей личности, пограничники захлопотали с чаепитием и ужином. Угощали кабаном, которого застрелили накануне в тугаях Атрека. Многие из солдат по несколько лет не видали русских, кроме своих военных, и с удовольствием слушали наши рассказы о столице, о поездке по Волге, о русской деревне, где мы недавно работали по статистике.

Жизнь их—трудная,—рассказывали пограничники. Время проходит в дозорных объездах от поста до поста (километров по 25—30), в борьбе с контрабандистами и в охоте. Не так часто, но встречались и с тигром (джолбарс). Шкура одного лежала у пограничника на нарах. Чаше всего охотятся на кабанов, которых очень много в камышевых зарослях. Охота—опасная. Если не убьешь сразу, рассвирепевший кабан смело бросается на охотника и клыками нижней челюсти ударяет в живот, стараясь разорвать кишки. Раны почти всегда смертельны. Поэтому, пограничники никогда не охотятся в одиночку. Иомуды же, которые не едят кабанятины («чушкд»—

поганая свинья), часто гибнут на охоте из-за неисправности оружия.

Особенно жаловались на непереносную жару летом и на комаров со всякой мошкой.

— Только и отдохнешь от них на наблюдательской вышке, куда комар не может подняться, да при поездках верхом, когда лицо обдувает ветерок. Донимают еще термиты, насекомые вроде муравьев. Они точат изнутри деревья, балки и доски построек, разрушая в год-два новые здания.

Мне показали столб навеса, снаружи вполне здоровый, но когда в него ткнули рукояткой нагайки, палка вошла в столб, как в тесто. Термиты уничтожают и домашние вещи, мебель, сундуки, платье и белье. Борьбы с ними не ведется никакой.

Стычки с контрабандистами случаются часто. Ночная перестрелка из засады иногда кончается убийством с той или иной стороны.

После ужина и чая появилась русская гармошка и гитара и мы хором спели несколько песен о Волге и о русской дубиншке. Мне подарили громадные кабаньи клыки и шкурку серебристого лисенка. На другой день я сфотографировал своих новых товарищей-пограничников в полном вооружении и обещал, если снимок будет хорош, прислать им карточки на память.

Туркменские кибитки.

IV. Ак-атабайцы, их быт и хозяйство. — Иомудская свадьба. — Песчаная буря.

На другой день еще до рассвета выехали дальше вверх по Атреку. Река широко раскидывалась отдельными узкими рукавами, образуя песчаные островки и мелкие озерки красноватой, ржавой воды, окруженные густой стеной камыша. Песчаная пустыня надвигается на реку с севера, пограничная же дорога ведет по ближайшему прямому направлению, неоднократно пересекая протоки мелкой реки.

Солнце жарило во-всю. Остановиться в тени было нелегко.

К вечеру дышать стало уже легче, но зато появились другие мучения. Туча комаров и всякой мошки облепила нас и лошадей. Защититься от них при тихой езде (лошади устали) было нечем. Уже в сумерки мы завидели вдали огоньки костров и вскоре, встреченные лаем полудиких собак, подъехали к аулу иомудов. Аул стоял на невысокой песчаной гряде, внизу — камышовое болотце разлива Атрека.

Ак-атабаевский «аршин» (старшина), напоив нас приятным с устатку кисленьким напитком из верблюжьего молока (чал), распорядился немедленно освободить несколько просторных юрт для помещения и работы нашего отряда. Женщины потащили из юрт лишние кошмы и ковры, ватные одеяла и подушки, сундуки, сумки с разной домашней мелочью, кувшины, бурдюки и посуду.

У туркмен нет яркости в одежде, как у горожан — узбеков, щеголяющих в халатах всех цветов радуги. Туркмен строен, строг, весь как-то подобран и до старости сохраняет прямую фигуру, узкую талию и уверенную плавность движений. На тысячи опрошенных мною по Туркменистану взрослых, я вспоминаю лишь двоих ожиревших стариков. Стройность туркмена подчеркивают высокая чер-

ная баранья шапка и однотонный, или темнокрасный или серый халат, подпоясанный кушаком. Украшенные серебром (монеты, подвески, налбонники) женщины туркменские ходят с открытым лицом, лишь закрывая рот подвзанным платком или просто-напросто, при встрече с посторонними, — рукавом халата.

Под жалобно-ребячий вой шакалов, воровски подождающих ночью к самому аулу, и неугомонное нытье комаров, мы залезли под сплошной кисейный полог (масахана) и растянулись на своих походных кроватях.

На другое утро перед началом работы мы увидели иомудский свадебный поезд. На спине большого белого одногорбого верблюда (нар-тубе) укреплена легкая палатка, покрытая коврами и вышитой материей. Внутри палатки сидела невеста, поглядывая из-за полога черными глазками. Верблюда вел в поводу дядя невесты. Кругом гарцовали конные родственники, изредка стреляя из берданок. Весь поезд направлялся к аулу жениха.

Неожиданно нам пришлось застрять в этом ауле. С утра поднялся невероятный вихрь, тучи песка обрушились на аул, проникая в юрты, покрывая толстым слоем все вещи. Работать оказалось невозможно: стряхнешь бумагу, а через минуту — две опять нельзя писать. Открытые чашки с чаем быстро наполнялись песком. Ветер дул до самого вечера, когда появились очередные мучители — комары.

Все же мы решили к вечеру выехать в задуманную интересную поездку к развалинам древнего города.

V. Поездка в пустыню. — Рассказы старого иомуда. — Украденные жены. — Бегство персидского шаха. — Степной крокодил. — Развалины древнего города.

Выехали мы на горячих иноходцах (джурга) часов в 8 вечера и вскоре, на одном из бугров, мы переезжали так называемое черепашиное кладбище: сотни щитов крупных и мелких черепах валялись тут. Поразила их какая-либо болезнь или, как утверждают туркмены, черепахи сползаются умирать в определенное место, — не знаю.

Шел месячный пост — урза, и туркмены сидели у костров, ожидая, когда взойдет луна и закипит просынная похлебка. Нашего приезда не ждали, и еще завидя нас издали, с песчаного бугра скатился сторожевой туркмен на верблюде и понесся в аул предупредить о каких-то проезжих. Старик-яшули, рваный и стройный, встретил нас по восточному важному и приветливо. Пригласили к дастархану (угощение). Напившись зеленого чая (кок-чай), мы растянулись на черной кошке немного вздремнуть, и лишь джигит Дурды-Сагат занялся оживленной беседой с родичами.

Было 2 часа ночи. Надо ехать дальше. Молодой серп луны уже прошел половину небесного пути и над головой сверкали крупные звезды. Отдохнувши, ехали бодро в утренние часы. До старинного города было уже недалеко, но трудно двигаться лошадям и людям. Солнце поднималось к зениту и сухой горячий ветер из пустыни бил в лицо и глаза раскаленным мелким песком. Остановившись в одном встречном ауле, забравшись в юрту, мы лежа попивали кок-чай, слушая неторопливые рассказы хозяина-иомуда.

— Персы — трусы, сидят у своего хлева и амбара. Иомуд — вольный человек, сегодня здесь, завтра — ищи его в пустыне. И лошади у нас — ветер, и ружья есть, а главное — иомуд зорек, как степной орел, и ничего не боится, будь тут хоть 100 человек. Ты посмотри на наших женщин, на взрослых женщин-матерей. Почти все — персиянки. Бывало, еще совсем недавно, соберутся наши, коней 10 — 20, и едут прямо на юг. Спускаемся с горки к пригорженскому аулам, издали видно, как персы верхом и бегом удирают в горы и за реку, а их женщины связывают в узлы добро и хлопот, чтобы во время собратся. Мы — в аул, а уж там все готово. Знают бабы, зачем мы пожаловали. Айда на коней и обратно домой! Даже стычки редко бывали. Совсем трус персиянин!

— Да ведь это, Яран, разбой, грабеж!

— Зачем грабеж, мы не разбойники! «Аламан» называется. Вольный набег, сила на силу идет. Давай померяемся! Пусть они за нашими женщинами и за нашим добром сюда придут, встретим: аламан будет! Только никогда этого не бывало!

— А то, вот тоже, помнишь, персидский шах удирал из Тегерана в Россию. Персидский народ хотел его в Тегеране резать. В охране у шаха служило человек 20-30 наших иомудов, Ускакал он с ними до Гюргена и повернул к берегу моря, где ожидал парохода от русского ак-паши. Русский царь обещал спасти персидского царя. Персы догнали беглецов, окружили и тут бы шаху конец пришел, да два охранника-иомуда прискакали к нам за помощью. Собралось нас 200 коней и разогнали всех персов, а их было тысяч более пяти. Ну, тут скоро и пароход подоспел, увез персидского царя в Россию.

— За что же вы, Яран, так полюбили шаха? Ведь не даром персы выгнали его, значит, хорош был.

— Мы его и не сажали на трон обратно. А помочь бежать, отчего не помочь! Ты думаешь, из Тегерана он пустой ушел? Много-много добра увез. Поделится с нами своей казной.

Во время разговора в дверях показался наш Махмуд.

— Хотите посмотреть здешнего крокодила? Ребята поймали.

Вышли из юрты. Группа туркмен расступилась и мы увидели 2 мальчишек, держащих за веревки в разные концы, за голову и за хвост, привязанное чудовище. Это была огромная ящерица серо-бурого цвета, со щитками на спине. Она яростно разевала узкую зубастую пасть и била хвостом в обе стороны. Степной варран или как зовут его туркмены, эчкимер (буквально: сосущий коз) смело нападает на мелкий скот, и даже, обозлившись, кидается на человека. При поимке, ребята сильно изранили его, и он вскоре издох. По моему обмеру, длина этого чудовища оказалась 138 сантиметров (без вершка два аршина).

Действительно, настоящий крокодил!

Опять поближе к вечеру мы сели на коней и вместе с Яраном добрались, наконец до развалин большого города. По преданию и по мусульманским книгам, город Мешхед-и-Мессрийн, был основан в XII столетии нашего летоисчисления, жители его занимались земледелием и торговлей с окрестными народами. Сюда проведены были большие каналы из реки Атрека, орошавшие поля и сады города и многочисленных селений. Около 400 лет существовал этот город, пока не был разрушен пришедшей из центра Азии ордой диких калмыков, разграбивших сокровища, перебивших всех без остатка жителей и уничтоживших отводы атрекской воды.

Остатки высокой зубчатой стены с круглыми башнями, мечетей, дворцов и домов, занимающих площадь не менее 4—5 квадратных километров, громадные ветвящиеся ябы с присыпанными валами,—все говорило о могу-

чем и большом городе, жившем в далекие времена яркой жизнью. За 300 лет пустыня почти полностью поглотила все ее следы. Кое-где сохранилась на развалинах больших зданий старинная глазурь облицовки. Я взял на память кусок голубого кирпича.

Мы походили по стенам, забирались на башни. При нашем появлении разбегались цветные и серые ящерицы, бойко взбивавшиеся на отвесные глиняные стены.

В а р р а н.

В громадной, почти целиком сохранившейся пристройке к мечети, мы поймали несколько больших фаланг (длинноногий мохнатый ядовитый паук), скорпионов и спугнули целую стаю крупных летучих мышей, долго с писком носившихся около, привлекаемых нашей белой одеждой. Во дворе я поднял несколько длинных пестрых игл дикобраза. Где-то во дворе мечети при нашем приближении юркнули в щель гревшиеся на солнце змеи.

Яран поймал все же одну из них, придавив головку камчей (нагайкой) к земле, и раздробил ей каблук голову и спину.

— А может быть, это степной удав, не ядовитый? — спросил я Ярана.

— Кто их знает! У нас, туркмен, такой закон: увидишь змею, слезай с лошади и убей. Святое дело!

А. Черновский

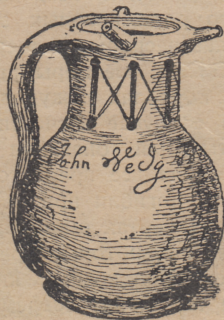
НАУКА И ЗАБАВА

Загадочные кувшины.

В старину у нас и на Западе любили забавляться на пирах следующим «трюком». Подзывали ка-

кого-нибудь простака к столу и подносили ему кувшин меду или пива. Но кувшин с секретом: в верхней части его имеются прорезы, и если пытаться пить из него просто, поднеся его к губам, то напиток потечет через отверстия, не попав рот. Словом, как говорится в сказках и песнях: «мед, пиво пил, по усам текло, в рот не попало». Наши рисунки изображают некоторые из таких коварных сосудов начала 18 века.

Не думайте, однако, что из этих кувшинов совсем нельзя было пить. Надо было лишь знать секрет их устройства. А секрет состоял в том, что внутри ручки кувшина и вдоль его верхнего края шел к носику канал. Чтобы заставить напиток подняться по этому каналу, надо было взять носик в рот и потянуть в себя жидкость.

КАК СНИМАЕТСЯ БОЛЬШАЯ КИНО-КАРТИНА

В Америке недавно вышел большой кино-фильм «Старые богатыри», поставленный знаменитым режиссером Джемсом Крюзе. Сколько трудов, средств и изобретательности необходимо для создания такой мировой картины!

Временем и местом действия картины служит Триполи XVIII в. и та борьба, которую вел фрегат «Конституция» с пиратами, грабившими у своих африканских берегов.

Для точного восстановления исторической картины Крюзе предварительно отправил 10 секретарей в архивы морского ведомства и другие места. Они отобрали до 3.000 разных документов и рисунков, изображающих устройство судов того времени, их паруса и пр. Вид Триполи за истекшее столетие сильно изменился и Крюзе решил построить декоративный город на берегах острова Катилины в Тихом океане, который точно изображал бы исторический вид Триполи в XVIII в. Работы по возведению города потребовали 200 человек рабочих, которые выстроили крепостной форт, величиной в 500 метров, целый ряд домов, мечетей и над всем этим — большой дворец властителя-паши. Чтобы облегчить доставку и выгрузку разных необходимых материалов, построена была специальная набережная 400 метров длины, на которой могли бы разместиться также 4000 человек артистов и технического персонала.

Одновременно с постройкой бутафорского города, создавался и нужный для картины флот, состоящий из 12 парусных судов и 24 вспомогательных барж. Одновременно разосланы были вдоль Атлантического и Тихого океанов специальные люди, которые должны были собрать вооружение для флота, состоящее из пушек и другого оружия времен 1797 — 1802 г.г.

На ряду с работой по декоративной стороне фильма, надо было озаботиться и постройкой целого ряда зданий, в которых разместилась бы масса участников картины, обреченных в течение нескольких месяцев жить на избранном острове. Городок для артистов, рабочих и служащих состоял из 200 небольших, сделанных из холста домиков, и множества барачков. В центре городка находилось здание, занятое самим режиссером и его ближайшими помощниками, где после дневной тяжелой работы, часто производилось по ночам обсуждение дальнейшего плана работы. Конечно, этот городок обслуживался целым рядом автомобилей, освещался электричеством, как во всех домах, так и на улицах. Ток брался со специальной электрической станции, мощностью в 2.000 лошадиных сил. Устроили также госпиталь, в специальной механической прачечной стиралось все белье, а само население пользовалось 150 ванными комнатами. Почта доставлялась дважды в день аэропланами, а для развлечения был построен кино-театр на 2.000 мест.

Всю массу участников — 4.000 человек — надо было кормить и кормить хорошо, так как работа была утоми-

тельна, да и вообще американцы в еде очень требовательны. Кухню обслуживало 80 поваров, которые ежедневно готовили 4.000 обедов, столько же утренних завтраков и то же число вторых завтраков (лэнчи).

Если на острове Катилина строился город Триполи и лагерь для участников съемки, то в Сан-Франциско заканчивался постройкой главный корабль «Конституция», который должен был сыграть столь важную роль в кино-картине. Это была точная копия исторического фрегата, спущенного на воду в 1797 г. Все было восстановлено до мельчайших подробностей. Это было большое парусное, 4-мачтовое судно, вооруженное 50 пушками. Постройка «Конституции» 2, как прозвали это скопированное судно, заняла около года. Фрегат строился очень основательно,

так как ему предстояло довольно продолжительное плавание по водам Тихого океана. Кроме «Конституции» было выстроено и сняжено еще 12 судов меньшего размера.

Особенное внимание было уделено электрическому оборудованию судна. Всякого рода кино-съемки требовали, особенно в ночное время, массу электрического света, который дается специальными прожекторами и другими осветительными приборами.

Съемка самой картины поглотила огромные средства.

Обычно картину снимают одновременно 1-2 кино-оператора (фотографа-съемщика). У Крюзе работало одновременно до 23 операторов. Для получения наиболее интересных снимков, он размещал их в самых разнообразных местах, часто на реях и среди парусов своих судов.

По ходу действия фильма были созданы сцены морских сражений. Режиссеру нужно было держать связь со всеми кораблями эскадры, а потому, сам Крюзе во время съемок находился на большом расстоянии на горе и все свои распоряжения отдавал по радио, которое было установлено на всех судах. При сценах боя было истрачено огромное количество всякого рода взрывчатых веществ, начиная от пороха и кончая динамитом и мелинитом, для получения разного рода военных эффектов. Сцены боев снимались в течение нескольких дней; жизнь всех участников была застрахована, все меры предосторожности были приняты, на всех кораблях дежурили врачи и сестры для оказания помощи в случае несчастия. Имелись даже специальные аппараты для оказания помощи утопавшим, и все же, несмотря на все предосторожности и принятые меры, два человека погибли при съемках от взрыва.

Таковы в общих чертах обстановка и те материальные затраты и сооружения, которые требуются для производства одной из тех грандиозных кино-картин последнего времени, которые так любит современная Америка.

Е. Вейсенберг.

Н О В Ы Й В И Д С П О Р Т А

Это — последняя новинка Америки. Берется воздушный шар и так наполняется газом, чтобы по весу своему быть немного легче человека, который привязывает себя к шару, надевая особую упряжь. Затем любитель нового воздушного спорта делает вместе с поднимающим его шаром прыжок в воздух и, пролетев значительное расстояние по ветру, описывает в воздухе дугу и медленно снижается на землю.

Американцы и американки живо увлекаются новым спортом, который своих поклонников часто ставит не только в смешное, но и опасное положение.

На верхнем рисунке спортсмен выбрасывает балласт, чтобы благополучно перелететь через дерево, а с боку — любезный прием удачливый спортсменки на аэродроме в Нью-Йорке.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ!

Контора издательства получает ежедневно по несколько жалоб на неисправное получение самого журнала, равно как его приложений и билетов на розыгрыш.

Отсюда ряд просьб к подписчикам «Вокруг Света».

1. Желая продолжить свою подписку и присылая деньги, обязательно высылайте ярлык, с которым получен последний номер журнала, или точную его копию.

2. Правом участия в первом розыгрыше премий пользуются годовые и полугодовые подписчики (без приложений) и трехмесячные (с приложениями); в первом и втором розыгрыше участвуют полугодовые (с приложениями) и годовые (без приложений); во всех трех розыгрышах участвуют все годовые подписчики с приложениями.

Конечно, все подписавшиеся с рассрочкой платежа участвуют во всех трех розыгрышах при своевременной доплате.

3. Подписчики, вносящие плату ежемесячно, хотя бы и в течение всего года, считаются месячными подписчиками и в розыгрыше премий не участвуют.

4. При всякого рода жалобах о неполучении билетов на розыгрыш или приложений, необходимо прилагать ярлык, с которым получен последний № журнала, или точную его копию.

5. Те немногие подписчики, которые имели право на участие в розыгрыше и не получили по какой-либо причине билетов, могут получить при следующем розыгрыше два билета. В этом случае приложите справку с места подписки и ярлык с последнего № журнала.

6. Приложения рассылаются отдельной от журнала бандеролью через несколько дней по выходе самого журнала.

7. Издательство просит подписчиков извещать ее в тех случаях, когда подписка не исполняется вовсе или доставка неаккуратна. Следует точно указать, куда сдана подписка, на какой срок и когда, или же выслать ярлык, с которым получен последний номер журнала.

8. Контора гарантирует наиболее аккуратную и своевременную доставку изданий подписчикам, сдавшим подписку непосредственно в Главную Контору Издательства «Красная Газета» (Ленинград, Фонтанка, 57).

9. В заключение просьба уже от редакции: указывайте свои адреса, когда посылаете письма в редакцию.

Отсутствие адреса лишает редакцию возможности ответить на задаваемые ей вопросы. Такие письма получены, напр., от т. Дмитриева из Тамбова, А. Гельмах из Баку и т. д.

ЗА НАСТОЯЩИМ НОМЕРОМ ДЕВЯТЫМ ЖУРНАЛА ПОДПИСЧИКАМ
ВЫСЫЛАЕТСЯ ТРЕТЬЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:

— ИГН. ЛОМАКИН —
БРИГ МОРТОН

САТИРА и ЮМОР

В. СЕРЕЖНИКОВА

Полнейший сборник сатирич. и юмористических произведений прошлого и новейшего времени для чтения, декламации и рассказа. 360 страниц в переплете. Ц. 2 р. 50 к.

Высылаются налож. платеж. Цена без пересылки.

Заказы направлять: **МОСКВА, ул. Герцена, 31/6. Кооп. т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.**

ЮНЫЙ ДЕКЛАМАТОР

Гимны и песни революции. Стихи для декламации. Сост. Б. Фуке. Содержание: Песни о юности. Песни неволи. Порабощенный труд. К творческой работе. Освободительный труд. Великие годовщины и проч. 103 стр. Ц. 45 коп.

Высыл. налож. платежом. **ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:**

МОСКВА, ул. Герцена, д. 31/6. Коопер. т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РОССИИ ПО МЕСТНОСТЯМ.

География, история, климат, промышленность, экономика, нравы и т. д.

Под редакц. и общим руководством **П. СЕМЕНОВА-ТЯНЬ-ШАНСКОГО.**

Издание ДВЕРИЕНА.

ВЕРХНЕЕ ПРИДНЕПРОВЬЕ и БЕЛОРУССИЯ. 111 рис., 10 геогр. карт. Стр. 619. Ц. 3 р.

ТУРКЕСТАНСКИЙ КРАЙ. 206 рис., 8 геогр. карт. Стр. 861. Ц. 4 р.

СРЕДНЕЕ, НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ и ЗАВОЛОНЬЕ. 98 рис., 10 геогр. карт. Стр. 599. Ц. 2 р. 25 к.

МАЛОРОССИЯ. 100 рис., 10 геогр. карт. Стр. 517. Ц. 2 р.

КИРГИЗСКИЙ КРАЙ. 123 рис., 9 геогр. карт. Стр. 676. Ц. 2 р. 25 к.

УРАЛ и ПРИУРАЛЬЕ. 131 рис., 10 геогр. карт. Стр. 669. Ц. 4 р.

СРЕДНЕ-РУССКАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ ОБЛАСТЬ. 123 рис., 10 геогр. карт. Стр. 717. Ц. 3 р.

НОВОРОССИЯ и КРЫМ. 150 рис., 10 геогр. карт. Стр. 983. Ц. 4 р.

ОЗЕРНАЯ ОБЛАСТЬ. 119 рис., 8 геогр. карт. Стр. 496. Ц. 2 р. 25 к.

При выписке всех томов, цена **23 рубля.**

Цены указаны без пересылки.

Книги высылаются наложенным платежом. Вместо денег можно присылать мелкими почтовыми марками. А также высылаются **ЛЮБАЯ КНИГА**, как новая, так и старая наложенным платежом в кратчайший срок.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Москва I, М. Бронная, 6-с
Книжный магазин Г. А. Басова.

РУЧНОЙ ТРУД

Со многими рисунками и чертежами. Состав. **В. КАРДАШЕВ.** Общедоступное руководство к самостоят. выполнению работ по металлу, гипсу, цементу, дереву, картону, бумаге, глине, плетению, ткачеству и постройке приборов и моделей для научных развлечений, 276 стр. большого формата. Ц. 2 р. 50 к.

Высыл. налож. платежом. Вместо мелк. денег можно послать марки. **МОСКВА, ул. Герцена, 31/6. Кооп. т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.**

ФИЗКУЛЬТУРА

Полный курс под ред. проф. **Игнатова и д-ра Романова.** I. Бег. II. Метание. III. Прыжки. IV. Ходьба. V. Гимнастика легких. Самомассаж. VI. Гимнастика на каждый день. Со мног. рисунк. За 6 книжек ц. 2 р. 25 к. **ПИРАМИДЫ** для массов. выступлен. физкультурников. Сост. **М. Штангаль.** 270 стр. 123 рис. Ц. 2 р. 60 к. Тяжелая атлетика. **М. Яковлева** 1 р. „Пять минут в день“. Система **Мюллера.** 80 к.

Высыл. налож. платежом. **ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:**
МОСКВА, ул. Герцена, д. 31/6. Кооп. т-ву „СПЕЦ-КНИГ“.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ ОХОТНИЧЬИМИ И РЫБОЛОВНЫМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ

Павла МЕЛЬНИКОВА

Москва, Центр. рынок, 5-я лин. № 657.

Требуйте преискурнты за 18 коп. (тербовыми марками).

Куплю охотничье ружье и малокалиберную винтовку, машинку для метания тарелочек.

ВНИМАНИЮ

всех хозяйственных, советских, партийных и профессиональных организаций

**ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСВЕДОМЛЕННЫ ОБО ВСЕМ,
ЧТО СВЯЗАНО С ВАШЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ!**

Исчерпывающую информацию доставляет

БЮРО ВЫРЕЗОК

„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“

БЮРО ИМЕЕТ: ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ ВСЕГО СССР
НАИБОЛЕЕ ИНФОРМИРОВ.
ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ
ЕВРОПЫ и АМЕРИКИ

БЮРО СНАБЖАЕТ: ГОСУДАР., КОММЕРЧ., ПАРТИЙНЫЕ, ОБЩЕСТВЕН. ОРГАНИЗАЦИИ и ЧАСТНЫХ ЛИЦ
СИСТЕМАТИЧЕСКИ ПОДОБРАННЫМИ ВЫРЕЗКАМИ
ИЗ ГАЗЕТ и ЖУРНАЛОВ СССР и ИНОСТРАННЫХ
ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ.

Прием заказов на 1927 г. и аккуратное исполнение производится

в **БЮРО ВЫРЕЗОК** — Ленинград, Пр. 25 Октября, 1. Тел. 5-32-86
в **МОСКОВСКОМ ОТДЕЛЕНИИ** — Москва, Советская пл., 34. Тел. 4-18-68
и во всех представительствах „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ВЫЗОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ по тел. 5-32-86.

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Конан-Дойль.—**ШЕРЛОК ХОЛМС**, рассказы: Месть, Знак четырех. Ц. 1 р. 15 к.
Муханов.—**ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ**, иллюстр. фант. роман в 8-х ч. Ц. 1 р.
Реми.—**УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ** Гертона Айренкестеля, богато иллюстриров. Ц. 1 р. 20 к.

ИГРЫ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ:

Маслов.—**„ФОКУСЫ и научные развлечения“**. Ц. 85 к.
Комаров.—**„ФОКУСЫ**, основанные на мистификации и ловкости рук“. Ц. 35 к.
„ГОЛОВОЛОМКА“—игра для всех возрастов, необыкновенно увлекательная. Ц. 75 к.
и **ВСЯКУЮ** книгу высылают нал.—плат. без задатка Книжный магазин „ТРУД“, Москва, центр. Моховая, № 15-г.

1000 Слов немецких

Это не школьное руководство, а богато иллюстрированный новейший самоучитель немецкого языка.
Занимательный по своему содержанию, он легок в усвоении и экономен по времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в шесть месяцев.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО ВЫПУСКА 15 КОП.

Требуйте у всех газетчиков, в книжн. киосках и на вокзалах.

ВСЬ КУРС ИЗ 15 ВЫПУСКОВ ПО ПОДПИСКЕ 2 РУБ.

ЛЕНИНГРАД, Фонтанка, 57. „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

СОВЕТЫ-УКАЗАНИЯ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА „Вокруг Света“

1. Присылая подписную плату за журнал, обязательно указывайте, являетесь ли **новым или старым** подписчиком. В последнем случае присылайте ярлык, по которому получаете журнал.

2. Если подписчик без приложений хочет подписаться дополнительно на приложения, пусть делает обязательную пометку; **„доплата за приложение“**,

3. Подписчики, приславшие подписную плату и пересылающие ее теперь без указания срока, с какого числа они подписываются, зачисляются подписчиками с 1 января и им досылаются №№ 1 и 2. В дальнейшем они получают журнал в зависимости от срока, на который они подписались, из расчета двух номеров в месяц.

4. Каждый приславший подписную плату только на один месяц, т. е. 40 коп., получает два очередных номера, независимо от того, с какого месяца он указывает подписку. Кто желает получить определенные номера, пусть их точно укажет.

5. Каждому, приславшему подписную плату с указанием, что подписка производится с января 1927 года, высылаются все вышедшие номера.

6. Условия розыгрыша, порядок и сроки его разъяснения о приложениях опубликованы в № 2 журнала **„Вокруг Света“**. Разъяснения даются и по вопросам читателей.

7. Журнал будет выпускаться с таким расчетом, чтобы к 1-му июля дать 12 №№, т. е. из расчета два №№ в месяц,—считая с 1 января 1927 г. Направляйте свою подписку непосредственно в адрес **ИЗДАТЕЛЬСТВА**

~~~~~ (Ленинград, Фонтанка, 57). ~~~~~

Отсутствие посредников дает подписчику возможность получать журнал бандеролью с наклеенным на ней подробным адресом подписчика. Таким путем достигается своевременное получение журнала.

ВЫИГРАВШИМ ПРЕМИИ

ВЫШЛИТЕ свои билеты заказным письмом в редакцию
„ВОКРУГ СВЕТА“

(Ленинград, Фонтанка, 57) с точным указанием своего адреса.

Некоторые подписчики не получили билета на первый розыгрыш. Им будет выслано по два билета на участие во втором розыгрыше премий.

Издательство **„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“**.